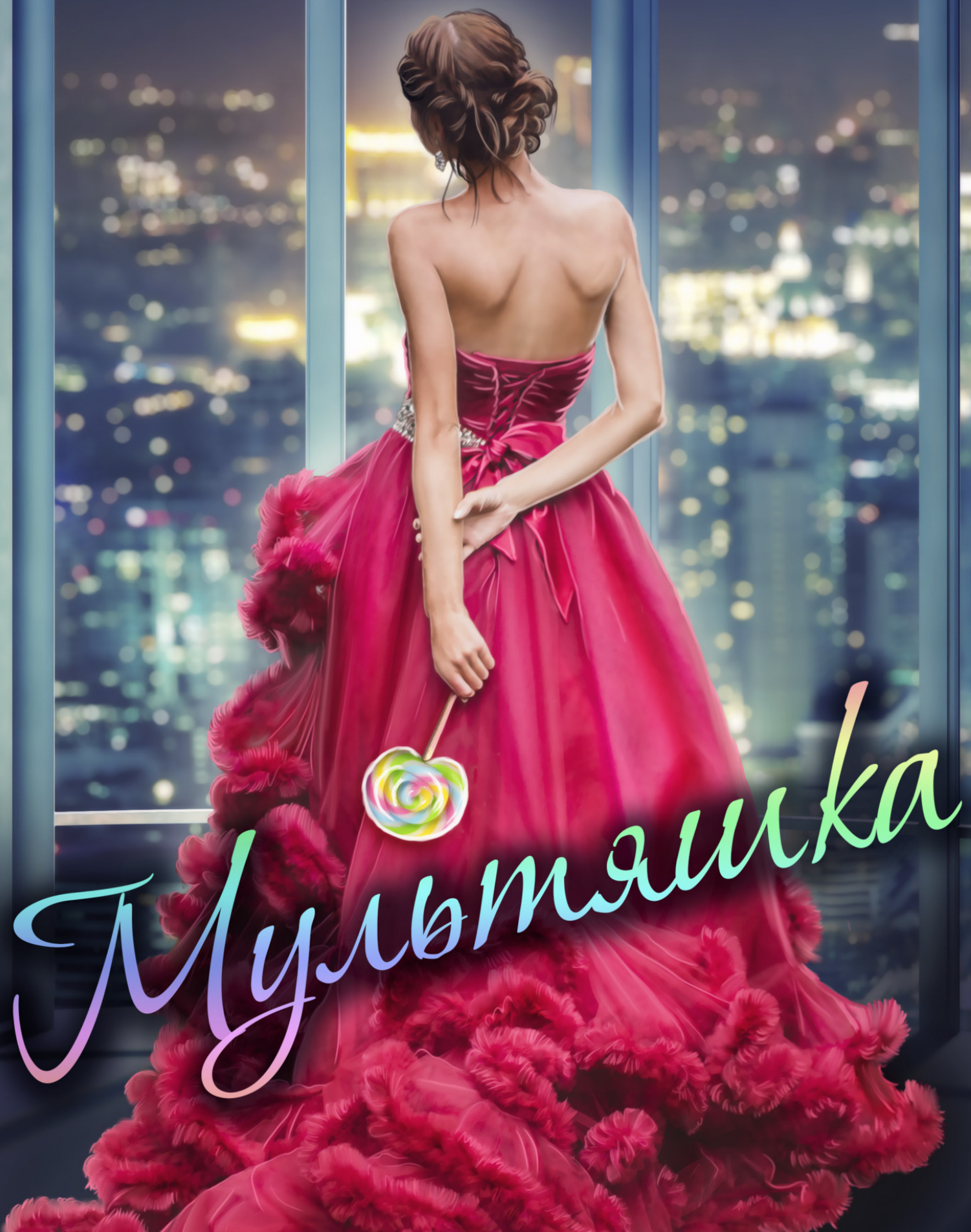

Наталья Романова

Мультяшка

Наталия Романова

Мультишка

«Наталия Романова»

2022

Романова Н.

Мультяшка / Н. Романова — «Наталия Романова», 2022

– Выбор простой, Максим Аркадьевич, либо ты лишаешься работы, всего, что ты достиг собственным трудом, и не имеешь ни малейшего шанса начать всё с нуля, либо становишься членом моей семьи. Решать тебе. И решать сейчас. Единственная наследница немалого состояния вынуждена выйти замуж за простого управляющего. Что кроется за этим решением главы семьи, и чем закончится сомнительная авантюра под названием "фиктивный брак"?

© Романова Н., 2022

© Наталия Романова, 2022

Содержание

Глава 1. Максим	5
Глава 2. Мирослава	11
Глава 3. Максим	16
Глава 4. Мирослава	21
Глава 5. Максим	26
Глава 6. Мирослава	30
Глава 7. Максим	34
Глава 8. Мирослава	39
Глава 9. Максим	44
Глава 10. Мирослава	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Наталия Романова

Мультишка

Глава 1. Максим

Посадка прошла мягко, как и весь полёт – благополучно. Вышколенные стюарды были предупредительны и вежливы, экипаж – профессионален, а погодные условия – идеальны.

Максим Аркадьевич вышел в сверкающее здание терминала, осмотрелся – за несколько лет произошли огромные перемены, – и двинулся к выходу. Ожидаемо встретила Целестина, её отчества он никогда не знал и, видимо, не узнает. Целестине было около семидесяти или того больше. Всё время, пока Максим работал Целестина была ассистентом старика, правой рукой, а потом, видимо, и левой.

Поговаривали, что когда-то их связывали не только рабочие отношения, но всё так и осталось на уровне слухов. Да и какая разница? Самому было уже к восьмидесяти, несмотря на статью и богатырское здоровье, – это солидный возраст, так что вряд ли на данный момент бабка являлась любовницей шефа.

Максим покосился на женщину рядом. Прямая, сухая, как палка, без следов вмешательства косметологов, со старческим румянцем на бледных щеках. В молодости она, должно быть, была красива. Но все знали, что за образом худощавой старухи скрывается железная воля и негибачый характер. Кто знает, продержался бы хозяин столько лет после чудовищной аварии, унёсшей жизни сразу двоих сыновей, невесток и двух внуков, без её поддержки?

Тогда Максим Аркадьевич только вступил в должность помощника управляющего одного из отелей, сделав в итоге отличную карьеру, не без помощи той же Целестины. На данный момент он полностью управлял сетью отелей от пятизвёздочных, лакшери, до семейных, небольших, эконом-класса. Они охватили практически весь сегмент рынка в регионе, уверенно продвигались по стране и за рубеж, и всё это под его руководством.

Сам старик никогда не вмешивался, требовал лишь ежеквартальные отчёты и приглашал на корпоративную встречу нового года в середине декабря.

Сейчас же был ноябрь, приглашение было срочным и не сулило ничего хорошего. Впрочем, плохого тоже. Скорее вызывало недоумение и желание поскорее прояснить ситуацию.

Максим собрался в течение часа, а через несколько уже ехал в служебном седане, рассекающем автостраду с превышением скорости, и пытался предугадать дальнейшее развитие событий. На Целестину надежды не было, если она молчала, поджав губы, значит, не проронит не слова без прямого указания на то шефа.

Авто свернуло на узкую асфальтированную дорожку, петлявшую между рядами сосен. Показались шапки заснеженных гор, шлагбаум с постом охраны в лице двух бугаёв, один из которых заглянул в машину, и, наконец, убегающая вдаль, прямая дорога, ведущая к поместью, «большому дому». Жёлтому зданию в стиле позднего классицизма с рядом колонн и фронтоном над ними.

Обогнули большой дом, проехали ещё немного и остановились у одного из относительно небольших гостевых домиков, в которых обычно останавливались гости или служащие в службах, подобных этому – срочный вызов пред очей Сильвестра Прохоровича. Имена раньше были... причудливые.

– Через час он, – наконец произнесла Целестина с ударением на «он», – тебя будет ждать. Приведи себя в порядок, побрейся, приготовь одежду, я пришлю прислугу, она её погладит. Лёгкий ланч доставят сейчас, ужин будет в большом доме.

– Побриться? – Макс поднял брови в знак удивления. Сильвестр никогда не слыл эстетом, вся эта окружающая красота, лоск и шик – дело Целестины, но никак не старика. Отчёты он принимал, сидя в демократичных джинсах, купленных на распродаже, и никогда не обращал внимания на то, в каком виде к нему на ковёр приходят подчинённые. В компании был строжайший дресс-код, но это тоже было делом рук Целестины, на большой дом правила не распространялись.

– Пиджак будет лишним, но всё остальное – будь любезен, – бесцветным голосом продолжила ассистентка и развернулась, чтобы выйти. – И ещё, будь любезен, никакого флирта с прислугой.

Максим поднял руки, расписываясь в поражении. Несколько незначительных эпизодов Целестина ему напоминает каждый раз, когда он появляется в этом месте.

Ровно через час она сама взяла у него из рук пальто, чтобы отнести вглубь дома, а Максим Аркадьевич прошёл, повинувшись указанию, в кабинет Сильвестра Прохоровича.

Старик, как и всегда, сидел за огромным столом, наверняка оставшимся у него из высокого партийного прошлого и дорогим как память. Книги на стеллажах, в цвет тёмно-коричневого стола, расставлены в идеальном порядке, как и канцелярские принадлежности – никакого пафосного Паркера, обычные шариковые ручки, даже не автоматические, и простые карандаши, остро наточенные.

– Проходи, – старик взмахнул рукой и показал на кресло рядом. – Выпьешь?

Максим качнул головой, отказываясь, в подобных обстоятельствах голову лучше держать трезвой.

– Выпьешь, – утвердительно качнул головой, протянул собеседнику бокал с тёмной жидкостью и предусмотрительно добавленным льдом. – Как дорога?

– Всё хорошо, – Максим вместе с виски сглотнул тугой комок.

– Как родители? – участливо поинтересовался работодатель.

– Всё хорошо, спасибо, – кивнул Макс, стараясь сохранить внешнее спокойствие.

– Это прекрасно, – с этими словами его собеседник налил себе минеральной воды и добавил льда. – Ты уже оправился после...

– Да, благодарю, – Максим невольно поморщился. Ему не хотелось вспоминать и говорить на эту тему. Что стукнуло старику в голову? Почему он задаёт эти вопросы? Что происходит?

– Я имел в виду, наладил ли ты свою личную жизнь, есть ли у тебя какие-то обязательства? Мне доложили, что нет, помимо нескольких постоянных подружек, которые не знают друг о друге, и незначительных эпизодов, ничего постоянного или существенного. Но я предпочитаю спросить лично.

Максим Аркадьевич внимательно посмотрел на Сильвестра. Тот был высок, с возрастом высох, но плечи всё ещё держал прямо, как и заострившийся нос. Волосы, полностью седые, густые, лежали упрямым чубом и контрастировали с далеко не молодым лицом.

Но самое главное – взгляд. Ко взгляду можно было только привыкнуть – острый, пронизывающий, цепкий. Максим мало что знал о Сильвестре – партийная элита, откусивший огромный кусок пирога у разваливающейся страны, прошедший передел собственности восьмидесятых и девяностых, потерявший жену в этом переделе и, относительно недавно, детей. Была ли та авария несчастным случаем, происками конкурентов или последствием попытки влезть в политику, не знал никто, кроме, пожалуй, самого старика. Но вокруг этого человека, несмотря на демократичный вид и порой приветливую улыбку, всегда чувствовалась атмосфера опасности, которая сгущалась под взглядом чёрных глаз.

Максим не посчитал нужным отвести глаза, встретил взгляд прямо, что бы он ни значил.

То, что за ним следили, не удивило. Удивило бы, если бы было наоборот. Служба собственной безопасности, состоявшая из бывших силовиков, цепных псов, работала истово, отрабатывая каждый кусок хлеба.

– Ничего серьёзного, – он спокойно ответил на вопрос. – Ничего, заслуживающего внимания.

Не было смысла врать, к тому же все женщины в жизни Максима – действительно, проходные варианты, не заслуживающие внимания. Вероятно, кто-то из них думал по-другому, но не он сам. Красивые, умные, сексуальные, при этом никчёмные. Пустые.

Или таковым являлся сам Максим? Но ему не хотелось задумываться над этим. Не считал нужным.

– Что ж, – подытожил Сильвестр. – Тогда тебе небезынтересно будет знакомство с моей внучкой, Мирославой.

– Вот как? – Максим сделал большой глоток обжигающей жидкости.

– Я объясню, – начал старик. – Как тебе известно, в аварии погибли все мои прямые наследники, кроме Мирославы. По чистой случайности она выжила и даже не пострадала. После моей смерти все капиталы, акции, движимое и недвижимое имущество должно достаться ей, как ты понимаешь.

– Безусловно.

– И я не хочу, чтобы она просрала... Да-да, именно просрала всё, что я зарабатывал все эти годы, – в голосе старика чувствовались нотки металла. – Я не хочу, чтобы у неё отсудили львиную долю состояния дальние родственнички, о существовании которых я не хочу даже слышать. Не хочу, чтобы капиталом завладел какой-нибудь брачный аферист или сектант – есть масса вариантов того, как она может просрать всё. Всё!

– Что вы такое говорите? – Максим попытался вставить слово.

– Правду. Я говорю правду, – Сильвестр поставил стакан с минералкой на стол. – Мирослава – неуправляемая, взбалмошная девочка, она не умеет ценить то, что имеет. И если в подростковом возрасте я закрывал глаза на её капризы и выходки, то сейчас понимаю, пубертатный период затянулся и может не закончиться никогда! Несколько дней назад я узнал, что её исключили из университета. Это уже третий университет, из которого её исключили. Я не имею ни малейшего понятия, что в голове у этого ребёнка. Но не хочу, чтобы через несколько лет, когда меня не будет в живых, она обнаружила, что стала нищей и неспособной позаботиться о себе. Неприспособленной к жизни, озлобленной и несчастной. Я хочу, чтобы был кто-то, кто позаботится о её финансовом благополучии, кто-то, кому я могу доверять. Я выбрал тебя.

– Меня? Но я не нотариус, не юрист, чем я могу помочь?

– Ты вступишь с Мирославой в законный брак, возьмёшь под управление не только сети отелей, но и её личные активы, и позаботишься о Мирославе. – чеканил слова старик. – Если по истечении времени она всё-таки поумнеет, что маловероятно, вы сможете развестись, если нет – совместные дети послужат твоей гарантией. Часть своего состояния я завещаю им.

– Но... – Максим сглотнул.

Старческая деменция? Отчаяние? Бред? Это звучало, как бред! С юридической и с человеческой стороны. Два незнакомых человека не могут вступить в брак, рожать детей. Детей! Лишь потому, что престарелому придурку этого хочется.

– Или я тебя уволю без выходного пособия и с волчьим билетом. – опять отчеканил старик.

– Вот как? – это меняло дело, в корне.

– Мальчик, Мирослава – всё, что осталось от моей семьи, – твёрдо продолжал Сильвестр. – Я пойду на что угодно, чтобы защитить её даже от неё самой, против её воли в том числе.

– Как вы себе представляете юридическую сторону этого процесса? – спокойно произнёс Максим, собравшись. Голос не дрогнул, уголки губ поползли вверх в снисходительной ухмылке. – Кто может дать гарантии, что я, будучи в статусе законного мужа, не обдеру, как липку, вашу Мирославу, когда вы почиете с миром?

– Об этом позаботится штат юристов, они не зря свой хлеб едят, не волнуйся. – старик махнул рукой.

– Что ж, уверен, вы отыщите достойные рычаги давления. Но как вы собираете самой Мирославе представить эту новость. Думаете, она захочет связать свою жизнь с незнакомым мужчиной? У нас не феодальный строй.

– Она захочет, – кивнул Сильвестр. – У неё была возможность выбрать себе специальность, место жительства, мужчину. Я старался не лезть в её жизнь, насколько это возможно. Но отныне решать за неё буду я, раз сама не может.

– Вы уверены, что она не может? У неё какие-то проблемы? Психические? Умственные? – Максим Аркадьевич положил ногу на ногу и приготовился вести торг.

– С медицинской точки зрения нет. – Я понимаю твою озабоченность, она абсолютно здорова.

– Тогда в чём дело? – пристально взглянул в глаза визави Максим.

– Я уже объяснял, – старик держал взгляд. – В её нестабильности, её желаниях, которые меняются чаще, чем она успевает что-то захотеть на самом деле, в её друзьях, в конце концов. Один из них рок-музыкант какой-то неизвестной группы, другой её товарищ занимается граффити.

– Граффити – это стрит арт, – не сдавался Максим. – Сейчас среди молодёжи, актуально.

– Молодёжи! – Сильвестр взмахнул руками, – Этому её другу – двадцать восемь лет. Его высшее достижение – изрисовать электричку. Про рок-музыканта я не желаю говорить. Тебе немногим больше, не так ли?

– Двадцать девять. – уточнил Максим.

– Ты работаешь на меня десять лет, – старик склонил голову. – Зарекомендовал себя с лучшей стороны и не допустишь, чтобы моя девочка пострадала, а некоторые юридические формальности не дадут тебе ей навредить. Итак, ты согласен?

– Не будет ли лучше сначала познакомиться? – поинтересовался его подчиненный.

– Выбор простой, Максим Аркадьевич, либо ты лишаешься работы, всего, чего достиг собственным трудом, и не имеешь ни малейшего шанса начать всё с нуля, либо становишься членом моей семьи. – По всей видимости, Сильвестр уже всё давно решил, поэтому твёрд. – Решать тебе. И решать сейчас.

– Это не самый сложный выбор. Второй вариант, – Максим расслабленно откинулся на спинку кресла. – Надеюсь, я увижу свою будущую жену до свадьбы. Впрочем, меня больше интересуют юридические аспекты, на них я бы хотел заострить особое внимание. И, естественно, здоровье Мирославы, так ведь зовут мою избранницу? Раз уж речь идёт о совместных детях, я настаиваю на медицинском обследовании, в свою очередь я тоже пройду его. Генетические, психиатрические, венерические заболевания.

– Что ж, твои опасения и действия понятны, я поддержу тебя в этом. Завтра придут юристы, у них уже готовы договоры, но, вероятно, ты захочешь внести коррективы, я готов к диалогу. – старик одобрительно кивнул. – В больницу вас обоих запишет Целестина. А пока, считаю, лучше молодым познакомиться. Тем более, свадьба планируется в ближайшее время. Думаю, недели две хватит на подготовку. Я хотел поторопиться, но эта женщина, – речь явно шла об ассистенте, – утверждает, что платье раньше готово не будет. Ты же понимаешь, что церемония не может быть домашней.

– Вполне, – Максим согласно кивнул.

– Целестина, – Сильвестр нажал кнопку допотопного селектора. – Мирославу сюда!

Что ж, быстро и по делу. Максим перевёл дыхание. Не ожидал, но выбора ему не оставили, пускать псу под хвост всё, чего он добился за десятилетия, он не собирался. А речь шла именно о десятилетиях.

Он не родился с серебряной ложкой во рту, единственная его удача – мама, хороший учитель английского языка, преподаватель элитной школы, куда детей педагогов брали без внушительного вступительного взноса. Бонус от директора школы, чтобы удержать кадры в голодные годы.

Потом, со временем, стало проще, появилось репетиторство, родители не жалели денег на знания отпрысков, но Максим всегда был на низшей эволюционной ступени развития школьной иерархии. У него был только один выход – учиться и быть «своим» за счёт знаний и железного самообладания.

История повторилась и в университете, и позже, на стажировке. Всё это время он работал на Сильвестра, сначала будучи студентом, потом стажёром, а потом и управляющим, проскользнув в компанию чудом – помогли школьные, ещё мальчишеские связи. Максим понимал, что второго такого шанса в его жизни не будет. Не будет никогда, и вгрызался в него, как безумный, учась, как ненормальный, работая с самоотдачей бригады шахтёров, наслаждаясь результатом.

Сейчас у него, наконец, была обеспеченная, сытая жизнь, как и у его родителей, и он не собирался потерять всё достигнутое трудом и потом по прихоти полоумного старика. Если тому хочется, чтобы он женился на его драгоценной, альтернативно одарённой внучке и родил с ней парочку детей, – он так и сделает, даже если она похожа на Лох-несское чудовище и тупая, как пробка. Он продаёт себя. Да. Покупая взамен безбедную жизнь себе и своим родным, в том числе – этой девице, своей будущей жене.

Максим оглянулся на дверь – рядом с Целестиной стояла девушка.

Ничем не примечательная, но и чудовищем её определённо назвать было нельзя. Худая, с девичьими формами и округлостями в нужных местах, длинными волосами, скорее тёмно-русыми, немного курносая, с островатым подбородком. Главным достоинством обычного личика были глаза – кошачьи или эльфийские, с вздёрнутыми вверх уголками. Губы аккуратно подколоты, что совсем не портило, напротив. В целом – очаровательное создание! Встретив такую цыпочку в баре, Максим не слишком долго выбирал бы из кандидаток и предложил бы именно ей провести весёлую ночьку в своей компании, чтобы наутро забыть её имя и существование.

Девушка, Мирослава, прошла мимо, уселась напротив. Максим разглядел пирсинг колечком в крыле носа, там же сверкнул камушек, скорее всего, бриллиант.

– Мира, познакомься, Максим Аркадьевич, – представил его старик.

– Он здоров? – раздался мурлыкающий голос.

– Вполне, – тут же ответил Максим.

– Тогда что не так? Зубы? Потенция? Карточный долг? Что с тобой не так, что ты согласился жениться на взбалмошной тупице, которая не способна позаботиться даже о хомяке и портит жизнь себе и окружающим? Дед, что с ним не так? – девчонка смотрела на старика в упор.

Макс ухмыльнулся.

– Мира! – Сильвестр поднялся из-за стола. А она не отступила, просто подняла голову и сжала губы.

– Что? Знаете, что? Вы тут пока решайте, свадьба дело хлопотное, а я к себе, подожду, пока тебя отпустит эта чудо-трава, дедуля! – развернувшись, она стремительно вышла, хлопнув дверью.

– Это была не лучшая твоя идея, – Целестина покачала головой, усадила старика в кресло.

– Я её заставлю! – Сильвестр настаивал на своём.

– Не сомневаюсь в этом... Ужин накрыт, в столовой, – обратилась она к Максиму. – Я за Мирой.

– Может, лучше оставить её в покое, – Максим равнодушно пожал плечами, про себя же подумал, что идея с отпустившей чудо-травой – одна из самых здравых за последние несколько часов, которые он слышал.

– Вам надо познакомиться поближе, не такое она и чудовище, как рисует её он, – прошептала Целестина, когда Сильвестр уже вышел из кабинета, направляясь широкими шагами в столовую, кивнув гостю, чтобы тот следовал за ним.

О да, я видел! – усмехнулся Максим.

– Разве ты не хотел бы ответить ему то же самое, будь у тебя возможность? – опять совсем тихо прошептала собеседница и сухо улыбнулась. – Добро пожаловать в семью!

Каким-то седьмым чувством Максим Аркадьевич понял, что свадьбе быть, и отчётливо понял, что ничего хорошего в ближайшие лет десять его не ждёт.

Глава 2. Мирослава

Мира буквально влетела в комнату, упала на кровать, нырнула под шёлковое покрывало. Не прошло и суток, а её жизнь перевернулась с ног на голову. И не было похоже, что могло что-то измениться в лучшую для неё сторону.

Вчера вечером, ближе к ночи, она беспечно плескалась в своей огромной ванне, попивая игристое вино, и собиралась провести там же остаток вечера. Но всё пошло не так. Планы нарушил звонок Владлена, который мог быть просто Владимиром, Вадимом или даже Лёшей. Но Мирославу интересовало не это, а то, что Владлен был другом Данилы – солиста рок-группы и талантливого музыканта, очень известного в своём кругу.

Данила не стремился к славе или большим деньгам, полностью отдавал себя делу своей жизни, был немного фанатичным, ненормальным, одним словом – фриком. У его таланта была целая армия поклонниц, даже фанаток, а он выделил её. Её одну! И даже ввёл в свой круг общения, сделав своей в компании подвыпивших музыкантов. Мире нравился пронзительный взгляд его синих глаз, узковатое, всегда бледное лицо и чёрные, длинные волосы.

– Эй, крошка, – раздался в трубке голос Владлена. – Концерт начинается через полчаса, а я не вижу твоей симпатичной мордашки в зале. Где ты, рыба наша?

– Дома, – растерянно произнесла Мира. – Какой концерт?

Здравствуйте, приехали, – рассмеялся звонивший. Мира отставила трубку, показалось, что Владлен издаёт эти кошмарные звуки прямо здесь, сидя рядом. – В «А»! Ты забыла или не знала?

– В «А» вы тридцатого, – отчеканила уверенно Мира.

– Алё, детка, а сегодня какое?! – поинтересовался собеседник.

– Ох ты, ядрёный кот, – она завопила и выпрыгнула из ванной. – Я дни потеряла, запивая своё несчастье!

– Дед не знает ещё? – спросил Владлен.

– Нет, – она небрежно отмахнулась.

– Ну, гуд тогда, адрес знаешь, на служебном пропустят, – мужчина хохотнул. – Порадуй нашего Данилку, а то он совсем скис, сделай ему хорошо.

– Дурак ты, – добродушно промурлыкала Мира, ныряя в джинсы.

Клуб «А» был рядом. И сейчас в нём проходил концерт для ВИПов. Никакой толпы, суеты. Только привилегированные девочки и мальчики, которые платили за собственный досуг с пластиковых карт пап и мам, а в свободное время разбивали дорогие машины под действием запрещённых препаратов.

Мирославу пропустили без вопросов, махнув небрежно рукой в сторону длинного коридора, ведущего к гримёрным помещениям. Была слышна музыка со сцены, ударные, бас-гитара, сильный голос Данилы, подпевка бэк-вокалисток. Пахло гримом, алкоголем, немного потом.

Мира осмотрелась, она любила эту атмосферу, запах, ощущения, вибрирующие на кончиках пальцев и языка, как и всё, что было связано с музыкой Данилы, его талантом, с суетой закулисы, пылью гримёрок, брошенных бесформенной кучей вещей и одноразовой посуды с остатками еды из недорогой службы доставки. Мира присела на краешек дивана, вздохнула пару раз, чтобы перевести дыхание, а потом пойти на музыку, как на звуки дудочки Нильса.

Она уже сидела в зале, конечно в ВИП-зоне, заказала себе что-то некрепкое из алкоголя и салат с креветками, чтобы не опьянеть раньше времени. Уже подходило к концу двухчасовое выступление, посетители, охмелевшие от алкоголя, музыки и атмосферы, толпились перед сценой, орали и размахивали руками, забыв про свой статус. Кто-то пытался совокупляться прямо там же, кто-то дрался, кто-то танцевал под слышную только им музыку, кто-то сидел,

а то и укладывался на пол – их тут же подхватывала охрана и отводила на диваны, стоявшие вдоль стен, чтобы пришли в себя.

Алкоголь, наркотики, секс... С поправкой – элитный алкоголь. Дорогие наркотики, чаще кокаин. Проверенный секс, даже случайные связи здесь были неслучайны.

Грянул последний аккорд, полилась спокойная музыка, сцена окрасилась полумраком, в зале стало ещё темнее. Данила спрыгнул со сцены и пошёл под одобрительные аплодисменты напрямик на Мирославу, на ходу хватая с чьего-то столика бутылку воды.

– Вау, – проговорил он слегка хрипло, оглядывая Миру с ног до головы, пока та подпрыгивала ему навстречу и бросалась на шею. – Как дела? Слышал, тебя исключили.

– Плевать! – Мира так и обнимала парня, вцепившись в него.

– Зря-зря, – музыкант отпил из фужера Миры. – Пфф, девочка, когда ты научишься пить взрослые напитки. Эй, бурбон и что-нибудь пожрать. Минералки ещё! – крикнул он в сторону крутящегося неподалёку официанта и откинул в сторону закончившуюся бутылку воды. – Никак за ум не возьмёшься, – окинул взглядом Миру. – Успеется?

– Никуда не денется, – поддержала Мира и засияла.

Потом всё происходило слишком быстро, как в криминальной хронике, с той лишь разницей, что к картинке добавились ощущения. Страх. Холода. Даже боли.

Здоровенные ребята из СОБРа ворвались в клуб, выстроили посетителей вдоль стен, а кого-то даже уложили на пол, лицом вниз. Один из молодцов ударил Миру между лопаток, толкнув в стену, попутно обшарив одежду, останавливаясь лапищами на ягодицах. Потом её и ещё десяток человек затолкали в небольшую комнату, устроив впоследствии обыск по всем правилам – с понятыми и протоколами, с неизбежным медицинским освидетельствованием.

Наркотики Мирослава не принимала. Однако от алкоголя болела голова, а от салата с креветками начинало тошнить. Или всё это было на нервной почве? В итоге её всё-таки вырвало игристым вином, коктейлем и салатом – единственным, что попало к ней в желудок за целый день. В уборную непустили, более того, схватили за волосы и отволокли в отдельное маленькое помещение, долго что-то выговаривали в лицо, пока её не вырвало снова, на этот раз прямо на обувь здоровенного мужика в чёрной форме.

Мира уже успела испугаться, сжаться под игнорирующим её фамилию взглядом, как в маленькую комнату, где находились она и криво улыбающийся мужик, вошёл щуплый капитан и что-то тихо прошептал.

– Вытрись, – бугай кинул бумажную салфетку Мире, выволок её из комнаты, оттащил в зал и усадил на стул рядом с ближайшим столом.

– Можете быть свободны, – Мира услышала сухой голос и подняла глаза.

Рядом сидел адвокат деда. В том, что этот мужчина – адвокат, не было никаких сомнений. Если бы Мирослава не встречалась с ним раньше, всё равно бы поняла, кто этот человек и от кого он. Внешний лоск, как на дорогих лакированных ботинках, при цепком взгляде, выдающем гнилое нутро, именуемое профессионализмом.

– Доброго вечера, – проговорил бесстрастный Вениамин Рудольфович.

На вид ему было около пятидесяти лет, может, больше. Мирослава затруднялась определить точный возраст. С уверенностью можно было сказать только то, что послужной список Вениамина Рудольфовича был блестящим и включал в себя не один десяток выигранных дел, каждое второе из которых – громкое и неоднозначное.

– Кому как, – дёрнула ногой Мира.

– Уверен, не для вашего дедушки, – адвокат пристально глядел на неё.

– Он уже в курсе, конечно же! – не сомневалась Мира.

– Иначе меня бы здесь не было, – Вениамин Рудольфович развёл руками и снисходительно улыбнулся. – Задержание можно считать недоразумением – следов наркотических веществ не обнаружено, а алкоголь в вашем возрасте употреблять уже можно.

– Да что вы говорите, – фыркнула недавняя задержанная. – Не обнаружено?

– Нет, – адвокат медленно рвал какие-то бумаги, вероятно, протоколы задержания или осмотра, а может, ещё что-нибудь, в чём не слишком разбиралась Мирослава. – Более того, вас здесь не было. В настоящий момент вы находитесь на борту личного самолёта вашего дедушки, горя желанием навестить его.

– У меня есть такое желание? – съязвила Мирослава.

– Естественно, – Вениамин Рудольфович дорвал последний лист, подозвал пристроившегося в углу сотрудника и что-то ему сказал, тот ушёл, но вскоре вернулся с металлическим подносом, поблёскивающим серебром. Вениамин Рудольфович сложил клочки бумаги и поджог их, не сойдя с места, пока не прогорело всё.

– Надеюсь, инцидент исчерпан, – обратился он к старшему из тех, кто производил задержание, дождался утвердительного кивка и протянул Мире пальто. Следом встал и двинулся к дверям, всем своим видом показывая, чтобы девушка следовала за ним.

– Я не могу уйти! – Мирослава упёрлась в дверях. – Там Данила! Я видела, как они скрутили его! И били!

– Не здесь, – проговорил Вениамин Рудольфович. – Не здесь, – сжав губы, он Миру вытолкнул на свежий воздух.

– Что с Данилой? С Владленом, с ребятами? – не унималась она.

– Они задержаны, – спокойно ответил мужчина.

Значит, надо их отпустить, – Мира развела руками и уставилась на адвоката в ожидании положительного ответа, которого не последовало.

– Это невозможно. – голос адвоката оставался невозмутимым.

– Почему это? – продолжала допытываться Мирослава.

– Наркотики. – припечатал Вениамин Рудольфович.

– Что наркотики? Они употребляли наркотики? Из-за этого? – в отчаянии вскрикнула Мира.

– Они распространяли наркотики, – медленно произнес собеседник. – Всё, что мне известно на данный момент. Это серьёзная статья уголовного кодекса. Они в разработке уже довольно долгое время, нам повезло вырвать тебя до того, как дело предали огласке. Дед позаботится о том, чтобы твоё имя не фигурировало нигде, мне велено доставить тебя к нему сегодня же.

– А Данила? – не успокаивалась Мирослава.

– По поводу него указаний не было, – отчеканил адвокат. Бесшумно подъехало авто, несложно было угадать, что за ними – водитель вышел и открыл дверь.

– Я никуда не поеду, – Мира предприняла попытку к сопротивлению.

– Мирослава, тебе лучше поехать, – примирительно проговорил адвокат и сочувственно улыбнулся.

– Я никуда не поеду, найму адвоката и вытащу Данилу. Он ни в чём не виноват! – она развернулась и пошла по набережной, набирая по пути номер такси.

– Это глупо, – догнал её Вениамин Рудольфович.

– Нет! – упиралась Мирослава.

– Хорошо, – в первый ей момент показалось, что адвокат сдался. – Послушай меня внимательно, только внимательно. Ни один адвокат не пойдёт против твоего дедушки, ты ведь это понимаешь? Кроме, может, совсем никакого, которому нечего терять, но такой не поможет твоему другу. Статья слишком серьёзная. Помочь, реально помочь, может только твой дед. Я бы на твоём месте поехал к нему и просил его.

– Он же терпеть не может Данилу! Ненавидит его! – Мира выплёвывала слова мужчине в лицо.

– Но он любит тебя, – улыбнулся адвокат, Мирославе даже показалось, что тепло. Впрочем, адвокаты – известные лисы, особенно те, что работают на её деда. – Если ты будешь покладистой, уверен, он сменит гнев на милость и поможет твоему Даниле. А вот если ты не поедешь...

Мирослава почувствовала, что её загнали в западню, но тогда она не понимала, что это было не так. Ловушка ждала её впереди.

«Ты выйдешь замуж за того, на кого я покажу пальцем. Будешь тише воды, ниже травы», – заявил дед.

Он говорил много, повышал голос, чего с ним никогда до этого не случилось при внучке. Всё свелось к тому, что Мирослава не в состоянии заботиться о себе, о своих деньгах, о семейном капитале и бизнесе, а значит, это сделает тот, кому дед полностью доверяет, и кто будет под его контролем. Мира может катиться в самостоятельную жизнь, и тогда дед лично позаботится о том, чтобы Данилу упекли на максимальный срок – до конца которого он не доживёт в местах, не столь отдалённых. Деду несложно будет это организовать. Или Мирослава может принять его условия и «зажить человеческой жизнью», «взяться за ум».

Чудовищные, ненормальные, не укладывающиеся в голове любого современного человека условия. Более того, лишённые смысла или логики, на взгляд Мирославы. Но не на взгляд деда.

– Мира, лучше тебе согласиться, – увещала Целестина, мягко улыбаясь старческими губами. – В этот раз ты зашла слишком далеко. Наркотики... Дорогая, ты же понимаешь, что дедушка такого терпеть не станет.

– Данила не распространял наркотики! – продолжала настаивать на своём Мирослава.

– Этот Данила не интересен твоему дедушке. Его волнуешь ты, и тебе должно быть известно, что он всегда держит слово. Если ты поступишь так, как хочет он, он сумеет вытащить твоего Данилу, замяв дело. А если нет... – Целестина сочувственно развела руками.

– Как я могу выйти замуж за незнакомого человека? – Мира спрыгнула с кровати и обошла вокруг неё. – Отвратительно!

Мирослава знала, как никто, каким упрямым и безжалостным бывает её дед и насколько влиятельным. Он мог судить и миловать, обходя любые законы и суды. Он мог достать Данилу, полностью оправдать его, а мог сгноить ещё до суда или добиться максимально возможного наказания, такого, которое Данила не переживёт.

Мира вздохнула, собралась с мыслями и дала согласие. А уже через три часа зашла в кабинет, чтобы познакомиться с будущим мужем. Она даже переоделась, как сказала Целестина, в узкую юбку-карандаш и классическую шёлковую блузку, превратившись в исполнительную секретаршу. Присела напротив, с намерением посмотреть на того, кому несказанно повезло стать родственником самого Сильвестра Прохоровича, человека, чья власть почти безгранична, и споткнулась о холодный взгляд серых глаз.

Холодный, оценивающий, анализирующий. Смотревший на неё в упор мужчина мало чем отличался от окружения деда, был частью его, единым монолитным целым. Лощёный, расслабленный, ударяющий указательным пальцем по хрусталу с виски.

Он осмотрел Миру с головы до ног, оценил приобретение, скользнул липким взглядом по бёдрам и остановился на лице, не отводя взгляда.

Интересно, чем этот человек провинился перед дедом, что его постигла участь стать супругом Мирославы. Или это честь для него? Он рад этому обстоятельству или нет? По непроницаемому взгляду было не понять, да и какое это имело значение?

Мирослава вскочила, выпалила дедушке всё, что думала в этот момент, и убежала к себе в комнату, закрылась там, а потом в ванной, плача и раскидывая вещи в отчаянии. Разбившийся флакон духов наполнил помещение сладким запахом.

Когда Мира вышла, Целестина сидела на краешке кровати и перебирала сморщенными руками шёлковое покрывало. Она подняла сухой взгляд, нагнула голову вбок и произнесла.

– Максим хороший молодой человек, он не поступит с тобой дурно, да и дедушка никогда не позволит обидеть тебя, он всего лишь хочет дать тебе защиту, заботится о тебе.

– Дать мне защиту? Защитить?! – Мира зло расхохоталась. – А кто меня защитит от него самого?

– Мира... со временем ты поймёшь его, – вздохнула ассистентка.

Мирослава сомневалась, что когда-нибудь поймёт своего деда. Но сумела уговорить себя, не без помощи Целестины, что конца света не произошло. В конце концов, это просто формальность, юридический аспект для спокойствия деда.

Договор. Не более того. Никто, в том числе дедушка, не может заставить её жить со своим «мужем», да и разводы никто не отменял.

Главное – продержаться, пока не выпустят Данилу.

Глава 3. Максим

Ужин длился уже больше часа. Никаких особенно изысканных блюд в этом доме не подавали, или Максим просто не попадал на такие приёмы. Сильвестр любил повторять, что пища должна быть простой, сытной, и её должно быть много. Именно по такому принципу и был накрыт ужин на четыре персоны. На выбор горячее, мясное или рыбное, овощи, зерновые, лёгкие салаты и суп-пюре из тыквы, немного необычное блюдо для ужина.

Сначала за столом были двое. Максим и Сильвестр, который погрузился в пережёвывание пищи, как в самое важное событие если не всей жизни, то дня. Максиму же кусок не лез в горло. Он сделал несколько глотков воды и, пытаясь скрыть отвращение, смотрел на кусок хорошо прожаренного мяса. Рыбу он не любил с детства. В любое другое время Максим с аппетитом съел бы этот стейк – после перелёта и алкоголя практически на пустой желудок. В любое другое, но не сейчас. Комок, стоявший поперёк горла, осложнял даже дыхание, не то что глотание.

Подошла Целестина, Сильвестр даже не поднял глаза, прислуга пододвинула стул и методично наполнила фарфоровую тарелку, наливая клюквенный морс в бокал.

– Мира? – наконец обратил внимание Сильвестр на третьего человека за огромным столом.

– Она подойдёт, – спокойно произнесла Целестина и отпила морс. – Ей потребовалось чуть больше времени, чем обычно, чтобы привести себя в порядок.

– Девочка! – Сильвестр кривовато и снисходительно улыбнулся, демонстрируя ряд ровных вставных зубов.

Вдруг глаза Целестины расширились, она вытянулась по струнке, добавив к колу в позвоночнике, с которым она ходила и сидела, железный прут, чем привлекла внимание Максима. Он обернулся на дверь.

Его новоявленная невеста «привела себя в порядок» весьма экстравагантным способом. Такой наряд подошёл бы для пикантной вечеринки для двоих, будь хотя бы один из них любителем подобного фетиша. Максим не был. Или для карнавального костюма какой-нибудь конфеты, розового зефира, нимфетки, если карнавал для взрослых.

Мира была в чём-то гипюровом, воздушном и сочно-розовом, с пышной, короткой юбкой, в коротких чулках, едва прикрывающих колени, с рядами стразов, и в туфлях на высоком каблуке, которые смотрелись нарочито нелепо со всем нарядом, как мамины туфли на трёхлетней девочке. Дополняли образ яркие губы и умело подкрашенные глаза.

Мира обошла стол под молчаливыми взглядами присутствующих, прокрутилась вокруг своей оси перед дедом и села рядом с ним, напротив Максима, выразительно хлопая глазами с накладными ресницами.

– Что ты хотела сказать своим внешним видом, дорогая? – прошелестела Целестина.

– Я хочу понравиться своему жениху, – пропела Мирослава и посмотрела в упор на Максима, облизнула вызывающе губы и скромно сложила руки на коленях.

– Не стоило затруднений, – ответил Максим. – Признаю, я польщён.

– Разве я не прелесть? – Мира почти легла на приборы, из низкого выреза показалась грудь, мелькнула светлая ареола.

– Несомненно, – подтвердил Максим, изучив, как следует, очертания рук – на сгибе локтя было скопление мелких родинок, – ключицы, тонкую шею, маленькие ушки, содержимое выреза... особенно содержимое выреза.

Грудь была небольшой, но упругой, аппетитной, округлой формы и даже манящей. Бонус во всей этой ситуации – внешняя привлекательность будущей супруги.

На какой-то момент он забылся, организм ожидаемо среагировал на провокацию, из морока Макса выдернул кашель Целестины и невозмутимый взгляд Мирославы. Она, кажется, наслаждалась эффектом.

– Для чего этот маскарад? – наконец подал голос Сильвестр, смотря таким же невозмутимым взглядом на внуку.

Они не так уж непохожи, как кажется на первый взгляд. Дед и внучка. Родство не столько видно, сколько ощущается одна кровь, одна кость, и это не вымыть поколениям и посторонним генам.

– Должен же мой жених видеть, какая замечательная сахарная обёртка ему достанется на том куске говна, который ты ему подсовываешь в моём лице, дедушка, – пропела Мирослава, её яркие губы растянулись в наигранной улыбке. Ресницы быстро взлетали и опускались, как опахала.

– Для этого необязательно наряжаться малолетней проституткой, – спокойно заметил дед и продолжил трапезу.

– Это костюм мультяшки! Прелестной мультяшки, как кусок сахарной ваты, как ей и полагается, – невозмутимо отрезала Мира.

Мультяшка!

Макс ещё раз оглядел Мирославу. Отличный образ. Лисьи глаза, подчёркнутые макияжем, добавляли образу искусственности. Действительно, сахарная обёртка для куска говна.

Говна, в которое он умудрился наступить, и ему придётся наступать и наступать, при этом не морщиться от вони и пытаться не растянуться во весь рост, упав лицом в испражнения.

Мультяшка!

Максим Аркадьевич засмеялся в голос, не утруждая себя сдержаться. Идиотская ситуация, глупая акция протеста альтернативно одарённой невесты. А разве он сам далеко ушёл? Нервы начали сдавать...

– Что ж, тебе удалось рассмешить будущего мужа, Мира, – проговорила Целестина. – Это хороший знак.

Она улыбнулась и сухо посмотрела на Макса, тот собрался и вернул такую же сдержанную улыбку, предварительно извинившись за свою реакцию.

Сильвестр встал, сообщил, что устал и нуждается в отдыхе, назначил встречу с Максимом и юристами на восемь утра, бросил цепкий взгляд на внуку, будто говорящий: «Я слежу за тобой», и вышел из столовой, пожелав всем приятного вечера. Ассистентка последовала за хозяином дома, коротко посоветовав Мире привести себя в божеский вид. Максим заметил, в свою очередь, что вид прелестный, и Мультяшка, если ей угодно, может так наряжаться хоть каждый день. Если уровень её интеллекта позволяет это делать, он не возражает.

И тоже встал, направившись к входной двери.

За столом осталась только Мира. Уже в дверях Максим обернулся – за огромным пустым столом сидела девочка в нелепом наряде, и, верно ему померещилось, в её глазах стояли слёзы.

Выходка глупой девчонки не могла задеть и тем более смутить Максима Аркадьевича. Девица не видит берегов и границ. Избалованная, неадекватная, скорей всего, с низким интеллектом и таким же кругозором.

Мультяшка. Какой верный образ она выбрала для знакомства.

Пальто подал охранник, он же проводил до порога гостевого дома, молчаливо и безучастно. В дом, где проживал Максим, он заходить не стал, открыл дверь и тихо закрыл, как за заключённым. Максим Аркадьевич посмотрел в окно, парень двинулся в сторону большого дома, значит, круглосуточной охраны он не удостоен. Всё в рамках привычного на территории поместья Сильвестра Прохоровича. И то хорошо.

Быстро раздевшись, надев, наконец, мягкие льняные брюки и футболку, Максим получил возможность побыть с собой наедине, обдумать своё положение, принять какие-то решения. Наконец, банально, поработать.

Или... Он вспомнил наряд Миры на грани вульгарности и глупости, невольно облизнулся. Никогда нимфетки не были фетишем Максима, Лолиты всех мастей вызывали неприязнь, а то и отвращение, но эта Мультяшка с нагловатым взглядом лисьих глаз взволновала его. Во вполне определённом смысле. Он бы с удовольствием задрал зефирно-розовую юбку, запустил руки в складки, отодвинул бы в сторону такие же розовые трусики, с оборками на ягодицах, они мелькнули, когда Мира демонстративно покрутилась перед носом деда, и вошёл, чтобы ни на секунду не останавливаясь, начать вколачиваться в мягкость и влажность стройного тела.

Свет был выключен, рука сама потянулась вниз, нырнула под уже расстёгнутые брюки. У Максима не было женщины давно, около трёх недель, а это приличный срок для тридцатилетнего мужчины.

Хлопнула входная дверь, Макс привстал на кровати, всматриваясь в темноту. В проёме двери мелькнул женский силуэт, послышался бубнящий голос, потом быстрое дыхание, словно посетительница быстро бежала. Потом незваная гостья скользнула в комнату, где лежал на кровати Максим, упала на колени и принялась под этой самой кроватью, перемежая руганью сбившееся дыхание.

– Да! – раздалось победное из-под кровати. Максим схватил гостью за ногу, потянув на себя.

– И что ты тут делаешь? – то, что это Мира, он понял почти мгновенно. Распущенные волосы и зефирное мультяшное платье не оставили ей шанса остаться инкогнито.

– А-а-а-а! – пойманная заверещала, попыталась вырваться. Пришлось зажать ей рот и привалиться сверху, уронив на пол, одновременно придерживая, чтобы не покалечилась и не ударилась, падая.

– Так, ты пришла сюда сама, я не собираюсь тебя насиловать, бить или сдавать тебя охране деда, – проговорил Максим, глядя в глаза, постепенно отпуская руку ото рта Миры. – Что ты здесь забыла и как проскользнула через оцепление добрых молодцев? Не похоже, что здесь есть свобода перемещения, даже прислуга ходит с охраной, у тебя наверняка парочка телохранителей под дверью.

– В окно свалила, – пробурчала девица.

– О, как! Упущение службы безопасности, – констатировал Макс.

– Эти мордовороты вообще не слишком умны, – ночная гостья продолжала трепыхаться.

– Спорно. А ты тут что делаешь, пришла познакомиться поближе? – он удобней расположился между разведённых ног и потёрся в своё удовольствие приподнятым достоинством о женский лобок в розовых кружевах. Девчонка замерла в ответ на столь откровенный жест и попыталась вырваться. Максим привстал, всё так же упираясь, закинул руки Миры ей за голову и прижал запястья одной ладонью. – Я жду ответа.

– Я ошиблась домиком... – прошипела, как кошка гостья.

– Допустим, – Макс кивнул и продолжил вопрос. – А что ты искала в другом домике? Откуда ключи – спрашивать не стану, как и опустим тот факт, что ключи от другого гостевого дома, раз уж ты ошиблась, подошли к этому.

– Ничего, – новоявленная невеста попыталась отползти, но у неё не вышло даже выбраться, высвободить руки или свести ноги.

– Ну-ка!!! – он схватил сжатую ладошку, надавив с силой, заставляя раскрыться. – Ну... хоть натур-продукт, – усмехнулся, глядя на марихуану, уже приготовленную для употребления – в ладошке она зажала старым проверенным способом забитую самокрутку. – Ты зависима? Поэтому тебя дед выдаёт замуж, аналог рехаба?

Мира тяжело дышала и медленно отводила в сторону руку. Она будто боялась, что резкое движение спровоцирует Максима, и он заберёт у неё дрянь.

– Нет... это... так, – невнятно начала Мирослава.

– Интересное место для заначки. Сама, наверное, догадалась? – Макс усмехнулся. – Не удивлюсь, если здесь всё нашпиговано жучками, а за нами сейчас наблюдают из пяти скрытых камер.

– Почему же тогда ещё не пришли? – диалог явно не собирался подходить к завершению.

– Вероятно, потому что тебе ничего не угрожает, – пожал плечами Максим. – Или твой дед хочет сохранить у тебя иллюзию свободы.

– Чёрт! И что делать? – казалось, Мира так и пребывает в смятении.

– Ты меня спрашиваешь? – Макс снова усмехнулся, глядя на панику в её глазах.

– Поддержать в нём эту иллюзию, – непрошенная гостья показала на косяк, уселась на пол по-турецки, выудила из зефирно-гипюровых складок зажигалку и поднесла к самокрутке.

– Сейчас сработает пожарная сигнализация, – Макс уже встал и теперь смотрел сверху вниз на то, как прикурила, вдохнула и выдохнула Мира.

– Не-а, Данила отключил, – с хитрой улыбкой сообщила она.

– Кто? – заинтересованно протянул Максим.

– Мой друг, – Мира выпустила дым и покрутила косячком. – Он жил в этом домике месяц назад, это его. Тебя смущает?

– Что моя будущая жена наркоманка, или что у неё есть друг – наркоман? Нет, меня ничего не смущает, кроме юридического аспекта сделки. Тебе хватит, – он пристально посмотрел на Миру.

Её веки потяжелели, взгляд стал расфокусированным. Она обмякла и облизнулась. Максим протянул стакан с водой, забирая из рук дымящуюся сигаретку. – Давай сюда, Мультяшка, – он в который раз усмехнулся и пыхнул. – Наркоманка из тебя так себе, сколько раз пробовала, два, три?

– Два, это третий, – лениво отозвалась Мирослава.

– Слабенькая травка-то, – Максим затыкнулся ещё раз.

– Так и Данила сказал, – сообщила ночная посетительница. – Как раз для меня, если вдруг захочется... мне только пить сейчас хочется...

Она поднялась с помощью Максима, покачнулась и упала в его руки, хватаясь за плечи. Обдала запахом сладости травки, духов, шоколада. Тяжёлое женское дыхание, скорей всего от наркотического дурмана, скользнуло сквозь футболку по груди и замерло там. Максим потянулся за стаканом, отдав остатки жидкости своей невесте, наблюдая за губами, обхватившими стекло, за движением языка, за тем, как клацнули зубы о стакан, за откинутой шеей, взглянул ниже, на грудь в вызывающем вырезе.

Он придержал Миру за талию, предварительно забрав стакан, глядя, как медленно закрываются глаза, приоткрываются губы, как бегут мурашки по белой коже, прячась в зефирно-гипюровых рюшах. Провёл губами по шее, девчонка выгнулась, застонала и подалась навстречу.

Максим прижал её к себе, потёрся о плоский живот, забрался руками под подол и сразу нырнул под оборки на ягодицах. Мира переступила с ноги на ногу и прижалась ещё плотнее. Мужские руки стиснули её попу, пальцы поглаживали в интимных местах. Она позволяла, только тёрлась и вздыхала. Как же соблазнительно бросить это зефирное облако на кровать и утонуть в нём в прямом и переносном смысле...

Макс усмехнулся, остановил себя буквально силой. Не в его правилах заниматься сексом с не отдающими отчёт в своих действиях женщинами. Если это гипюровое, розово-зефирное недоразумение можно назвать женщиной. Создание обкурилось почти до бессознательного состояния с трёх затяжек.

Максим Аркадьевич улыбнулся, поднял Миру, чтобы уложить на кровать, на бок.

– Давай поговорим, – предложила Мира и взмахнула руками.

– Вся жизнь впереди, наговоримся, – он устроил на подушке девичью голову, зафиксировал. Незваная гостья пару раз дёрнулась и засопела. Макс заботливо подоткнул подушку так, чтобы она не смогла откинуться на спину.

Вот же сокровище ему досталось! Мультишка...

Он встал, оглядел розовый ворох в своей кровати и вышел на улицу, закулив обычную сигарету. Привычка, с которой Максим Аркадьевич время от времени пытался бороться, но безуспешно. До первого напряжения на работе, когда спасают только лошадиные дозы кофеина с никотином.

Целестину не пришлось долго ждать.

– Всё-таки камеры? – спросил он в лоб.

– Только по периметру, в помещении, при постояльцах, камеры отключаются, – женщина не стала ничего утаивать и ответила прямо.

– Ты ничего мне не хочешь рассказать? – Максим попытался расставить все точки над i.

– Всё, что следует, тебе уже рассказали, детали обговорите завтра с юристами, – жестко бросила в ответ собеседница.

– Послушай, – перебил её Максим. – Там, в моей кровати, в самом нелепом наряде, который я когда-либо видел за всю жизнь, лежит обкурившийся и явно с какими-то проблемами ребёнок! Я заслуживаю знать, чего ожидать от этой девочки, раз уж меня постигла невероятная удача скоро жениться на этом недоразумении!

– Максим..., – голос Целестины звучал жёстко.

– Целестина, – снова перебил Макс. – Давай начистоту! Я не сойду с этого поезда, тебе прекрасно известно, что у меня нет выбора, но я, чёрт возьми, имею право знать, чего ещё ожидать, хотя бы чтобы не навредить ей... Во что она вляпалась?

– Ладно, – уже мягче произнесла собеседница.

Услышанное не удивило Максима Аркадьевича. Ничего необычного для золотой молодёжи и её окружения. Всё началось в сентябре, когда Мира познакомилась с этим рок-музыкантом, Данилой. Сильвестру не понадобилось много времени, чтобы узнать, что он наркоман с большим стажем. Ждать, когда его единственную внучку подсадят на иглу не только любви, но и наркотиков, он не стал. Организовать всё наилучшим способом не составило большого труда, как и убить попутно двух зайцев. Освободить Мирославу от влияния этого человека и позаботиться не только о её будущем и её деньгах, но и будущем семейного капитала впоследствии, выдав единственную внучку замуж за верного Сильвестру человека.

– Словом по пути Мультишку? – горько усмехнулся Максим, а про себя в этот момент особо не думал.

Он не так уж и проигрывал в этой сделке. Получив в итоге не только деньги, но и вполне симпатичную, хоть и, похоже, откровенно глупую жёнушку. А вот что получает Мультишка?

Целестина в ответ промолчала.

Глава 4. Мирослава

Она проснулась мгновенно, но будто не до конца, обвела глазами помещение и тут же захотела заснуть снова. На много, много лет. В небольшой комнате, в которой располагалась кровать, прикроватная тумбочка, вместительный шкаф-купе, комод и панель телевизора на стене, всё демократично, если не сказать экономно, при этом функционально и даже удобно, было темно. Единственным источником света была полоска под дверью. Мира знала, что там небольшое помещение, отделанное под кухню, с кофе-машиной, чайником и маленькой электрической варочной поверхностью, выполняющей роль плиты. Тоже эргономично и комфортно.

Была ещё одна комната, обставленная с большей притязательностью. Такие комнаты были в каждом подобном домике, где-то больше, где-то меньше, где-то их было несколько. Условно они назывались «переговорными». Иногда там действительно велись переговоры и подписывались договора на баснословные суммы.

Мира встала и попыталась прошмыгнуть мимо переговорной, сразу на выход. Но план не удался, дорогу перегородил будущий муж. Она подняла глаза, поморщилась от яркого света и отвернулась – не от света, а от непроницаемого взгляда. Жёсткого. Оценивающего. Мира уже успела возненавидеть такой взгляд.

– Как ты себя чувствуешь? – проявил учтивость жених.

– Так же, как выгляжу, – Мирослава решила учтивостью не отличаться.

Она успела глянуть в зеркало и ужаснуться отражению. На уголки глаз был нанесён на редкость удачный перманентный макияж, но Мира от всей души добавила косметики на лицо, которая, естественно, размазалась во время сна.

– Да уж, – тёплые ладони обхватили её лицо и покрутили, внимательно разглядывая. – Иди, умойся. Наверняка найдёшь что-нибудь подходящее.

– У меня нежная кожа, вообще-то, – фыркнула она. – Я умоюсь у себя.

– А у твоего дедушки, наверняка, нежное сердце. По-твоему, ему будет приятно видеть тебя в таком виде? – покачал головой будущий муж и махнул рукой в сторону ванной комнаты.

С дедом встречаться не хотелось в принципе. Ни в таком виде, ни в каком другом.

Может, всё-таки уехать, нанять адвоката? У Мирославы были деньги, много денег, доставшихся ей от родителей, как минимум – достаточно, чтобы освободить Данилу и не работать до конца своих дней. Жаль, что это глупые мечты. Всеми средствами управляет дедушка, она отдала ему право распоряжаться финансами в восемнадцать лет, когда могла уже распоряжаться ими на своё усмотрение. Не ей тягаться с собственным дедушкой.

Мирослава развернулась и отправилась в ванную комнату, потратив минут тридцать на отмыwanie макияжа, борясь со спутанными волосами. Даже прошлась пальцем с мятной пастой по зубам.

– Теперь я могу идти? Ты откроешь дверь? – Мира предприняла следующую попытку ретироваться.

Она прошлась к входной двери и обнаружила, что та закрыта на замок. Электронный ключ у неё где-то выпал, ползать по полу и под кроватью не было никакого желания, к тому же, хотелось убраться подальше от этого человека. Пришлось возвращаться в переговорную, где в углу дивана сидел её будущий муж, подложив одну ногу под мягкое место и водрузив на колени ноутбук. Он внимательно просматривал бесчисленные столбцы цифр.

– Я провожу, – Максим встал и смерил Миру тем же непроницаемым взглядом.

Она не отвела взгляд, даже разглядела, как следует, потенциального супруга. Высокий, выше среднего роста, широкоплечий, наверняка ведёт здоровый образ жизни, занимается каким-нибудь активным спортом. Проступающие вены на руках указывали на то, что в спор-

тивном зале не ограничивается беговой дорожкой. Шатен, глаза серые, губы сжаты, лицо молодое, но резкие морщины у рта и в межбровье выдают возраст около тридцати лет. Ничего особо запоминающегося и привлекательного. Типичный топ-менеджер, клерк. Никакой индивидуальности, ходячая реклама «успеха». Солдат Урфина Джюса, хотя в их случае – солдат Сильвестра Прохоровича.

– Не надо, – она фыркнула в ответ. – Не заблужусь!

– Не сомневаюсь, но всё-таки провожу, – Максим отчеканил так, будто перед ним стояла стажёрка в первый день практики. Он нырнул в обувь на тонкой подошве – не по погоде, надел какой-то свитер и протянул Мире своё пальто. – На улице холодно.

Мирослава поморщилась, но позволила накинуть пальто на плечи. Когда она бежала сюда, совсем не думала о холоде, хотя замёрзла, ещё пробираясь к балкону по уличному карнизу, чтобы спуститься вниз. Если охрана доложит деду, завтра её ждёт нудная и длинная лекция, а может, даже сегодня. Дед, как правило, придерживался распорядка дня, а ещё, как правило, он не стремился выдать свою единственную внучку замуж за первого встречного клерка, так что, никаких мыслей о том, что её ожидает в ближайшие полчаса, у Миры не было.

– Мирослава, чтобы я ту дрянью, которую ты курила, видел в твоих руках первый и последний раз, договорились? – Максим задал вопрос таким тоном, будто всё за неё решил.

– Вообще-то, ты и сам пыхнул, – попыталась реабилитироваться Мира.

– В моих руках ты тоже больше не увидишь ничего подобного, – согласился собеседник.

– Ой ли? – она, не оборачиваясь, шагнула к выходу.

– Мне элементарно некогда заниматься этой ерундой! – Мире, видимо, только показалось, что оскал был похож на улыбку, она поморщилась и отошла от двери, давая возможность открыть её.

К счастью, охраны не было, фонари освещали ухоженные тропинки из мраморной крошки, ведущие к большому дому, она тихо шуршала под подошвами обуви. Остановились у дверей, те мгновенно открылись, в проёме нарисовался мордоворот и с постным лицом смотрел на парочку, ожидая, когда Мирослава зайдёт в дом.

В это время провожатый склонился над Мирой, поправил волосы, заправил их за ухо и легко коснулся губами щеки. Даже не коснулся, скользнул дыханием и проговорил чётко, явно не для неё: «Доброй ночи!». Мира поморщилась, когда отвернулась от него и от охранника. Определённо, он всё сделал правильно, рядовые сотрудники точно не были посвящены в нюансы взаимоотношений внучки хозяина и её жениха.

Проникся ролью. Будущий муж.

Мирослава быстро поднялась в свою комнату. В спальне дедушки было темно, в комнате Целестины тоже. Охрана не стояла под дверями домика, когда Мира была один на один с посторонним мужчиной. Для персонала он был близким человеком Мирославы, но глава службы безопасности, а тем более дед и Целестина, точно в курсе нюансов предстоящей свадьбы.

В том, что за ней выставлена круглосуточная охрана, у Миры не было никаких сомнений, иногда она даже замечала её, привыкла не придавать значения, иначе можно сойти с ума. По настоянию дедушки, она прошла несколько курсов обучения у начальника службы безопасности, знала кодовые слова и знаки, понимала, что на них надо реагировать беспрекословно и мгновенно, и знала как. Одним словом, так или иначе, Миру должны были оберегать, однако, судя по всему, она осталась один на один со своим «суженым».

Максим... кажется, Максим Аркадьевич...

Мирослава сидела в своей комнате на кровати, укутавшись в одеяло, её потряхивало, несмотря на то, что в доме было тепло. Она бесцельно залипала в интернете. Не хотелось читать любимые книги, даже небольшие заметки или коротенькие посты не вызывали интереса. Попыталась посмотреть новый сериал или пересмотреть пару серий любимого, затёртого до дыр, но палец сам нажал на «стоп».

В итоге, Мира завалилась на подушку и попыталась уснуть. О своём сегодняшнем поведении она решила не думать, да и какая разница. Всё, что ей могли сказать или сделать – уже сказали и сделали, а значит, хуже уже не будет. Если только этот будущий муж всё-таки откажется от сделки, увидев, какое «сокровище» ему досталось. И деду придётся в экстренном порядке искать другого кандидата, в то время как Данила будет находиться под следствием, но это маловероятно – дед делает предложения, от которых отказываются, только если человек сам себе враг.

Поздно ночью, устав от собственных мыслей и слёз, она не выдержала и залезла на фан-сайт группы Данилы. Там уже бурно обсуждали произошедшее с кумиром, и она, как одержимая, листала страницу за страницей, слушая бесконечно музыку, пока не уснула.

К десяти утра Мира проснулась и прошмыгнула на кухню в поисках еды, она пропустила завтрак, который в этом доме был в семь утра. Несказанная рань! Будить, как ни странно, вопреки всем правилам, её не стали.

Мирослава слышала звуки, доносившиеся из кабинета деда, когда кралась мимо. Точно! Дедушка назначил встречу с её будущим мужем и юристами на восемь утра.

К одиннадцати бубнящий, приглушённый разговор ещё был слышен. Интересно, какие условия выдвинул клерк, на какой крючок попался деду? Что ожидать самой Мирославе от сделки? Всё время, пока Мира делала себе бутерброды, запивала их сладким чаем и глотала свежавыжатый апельсиновый сок, она думала о происходящем в кабинете, о нелепом решении деда, о Целестине и, наконец, об... этом человеке. Будущем муже. Она, Мирослава, вторая сторона, и имеет право знать и участвовать в процессе обсуждения и подписания договора, или что там подписывается в подобных случаях?

Дожевав завтрак, Мира встала и решительно двинулась в кабинет деда, открыв его без стука.

Дед ожидаемо сидел за своим столом, рядом, в кресле, сидел тот, кого не хотелось называть по имени даже в мыслях, а по имени-отчеству он ещё не заслужил, и листал стопку распечатанных мелким шрифтом листов А4, держа в одной руке прикуренную сигарету. Лицо не выражало абсолютно никаких эмоций – каменная глыба, морщины у губ стали заметнее, он будто повзрослел или даже постарел. Мира удивилась, что дед позволил курить в его присутствии. В большом доме и даже в гостевых домиках был строгий запрет на употребление табака. При её появлении сигарета тут же была потушена, причём, как заметила Мира, Максим сделал это сам, без просьбы или взгляда деда.

Целестина расположилась за своим рабочим местом – секретером, ровесником дедушкиного стола, и быстро перебирала пальцами по клавишам серебристого ноутбука.

Там же, в кабинете, было ещё человек пять или шесть, одинаково, шаблонно и безлико выглядящих, как с одного конвейера – одного возраста, в похожих дорогостоящих костюмах, модельной обуви, сорочках приглушённых тонов, с одинаково близоруким взглядом, делающим лицо высокомерным и брезгливым.

При появлении Миры гул голосов стих, юристы повставали со своих мест в знак приветствия, Целестина улыбнулась, а дед кивнул и указал взглядом на место рядом с собой. Будущий муж окинул изучающим взглядом, от которого захотелось закрыться, и дружелюбно улыбнулся. На публику. Мира не стала улыбаться в ответ, отвернулась в сторону и фыркнула.

– Очень хорошо, что догадалась сама зайти, – проговорил дедушка. – Необходимо будет твоё согласие и подпись как лица совершеннолетнего и дееспособного.

– Ты, конечно, должна сначала внимательно прочитать всё, что здесь написано, – он пододвинул к Мирославе целый талмуд пронумерованных бумаг, их было не меньше пятидесяти, а то и больше, и это только один договор. Такое впечатление, что не внуку Сильвестра Прохоровича насильно выдают замуж, с её полного согласия, а распиливают какую-нибудь корпорацию или, наоборот, создают её с нуля.

Мира закатила глаза и начала читать. Внимательно и очень долго, максимально долго, медленно перелистывая листочек за листочком, перекладывая из одной стопочки в другую, складывая ровно, уголок к уголку, иногда возвращалась, чтобы перечитать, и начинала заново с того места.

Если бы она ещё понимала хотя бы половину терминов и формулировок... Но буквы-то Мира знала, поэтому читала, хоть про себя, но с выражением, как на конкурсе чтецов. Небольшое издевательство над кучкой чванливых уродов. Время подходило к обеду, они все наверняка голодны, но не сдвинутся с места, пока Мирослава не изучит это огромное соглашение от титульного листа до последней точки после слова «подпись». И не проронят ни звука без прямого указания хозяина, а он такого указания не даст. Первое, чему научил её дед: не подписывать документы, не читая, и не оставлять свой автограф на чистых и любых других листах бумаги. Прогресс давным-давно шагнул вперёд, но своим правилам дедушка не изменял. Мира имела полное право прочитать договор, внести поправки, и воспользовалась им.

– Мне не нравится этот пункт, – вдруг произнесла Мирослава и ткнула пальцем.

Медицинский осмотр? Она что, рабыня на аукционе или рабочая лошадь? Можно подумать, если она больна, с кривыми зубами и сколиозом – у будущего мужа есть хотя бы один шанс отказаться от сделки. Тем более, ей абсолютно не интересно, есть ли генетические заболевания в роду у Максима Аркадьевича. Эта сделка, именуемая браком, всё равно является по сути формальностью, ей с будущим мужем не жить и детей не рожать.

– И этот, – она перевернула страницу и указала на пункт о совместных детях.

– Эти пункты взаимосвязаны, – спокойно проговорил дед. Он посмотрел на одного из прихвостней, тот подскочил, за ним и все остальные, и гуськом покинули кабинет.

– Дорогая, когда люди вступают в законный брак, у них вполне ожидаемо рождаются дети. Целесообразно сначала получить консультацию ряда врачей, пройти обследование и, если понадобится, соответствующее лечение, – терпеливо начал разъяснять дед.

– Я не собираюсь рожать от него детей, – прошипела Мира. – Ты с ума сошёл?

– Уверен, у тебя возникнет такое желание, – дед спокойно смотрел на Миру, и той захотелось запустить в него что-нибудь тяжёлое.

– Чего ради? – она вскочила, в глазах потемнело, пришлось зажмуриться, чтобы не заплакать.

– Для начала, ради удовлетворения физиологической потребностей молодой женщины и ради интересов семьи. И твоих личных интересов, – надавил на «личных» дед.

Мирослава тяжело вздохнула и всё-таки сделала это. Она швырнула деду в лицо внушительную стопку листов А4 и выскочила из кабинета, толкая на ходу одного из хитрых и склизких юристов, стоявших под дверью.

Оказавшись в своей комнате, она принялась судорожно заталкивать в чемодан вещи – без разбора, все, что попадались на глаза. Её гардероб ломился от избытка вещей, их не нужно было возить из города в город, из своей квартиры в большой дом или дом у моря. Везде у неё хранились наряды на любую погоду и по любому случаю, но Мира заталкивала и пихала в свою поклажу юбки, свитера, джинсы, обувь, просто, чтобы занять руки и мысли.

Отвратительно. Всё, что она ощущала – это брезгливость и желание отмыться. Одно дело – подписать договор с паршивым клерком, нацепить на себя свадебное платье и символ невинности – фату, изобразить радость для прессы и дедушки, а потом зажечь снова своей жизнью, особенно когда Данилу выпустят. Дед никогда не нарушает данное слово, а значит, Данилу обязательно отпустят, оправдав по всем статьям и законам, если надо – обойдя их.

Другое – вступить в брак с посторонним, абсолютно неинтересным мужчиной, в полном смысле этого слова. Рожать от него детей. Заниматься с ним сексом. Нет, дед не сможет заставить её делать это. Он уже порядком потоптался в её жизни и планах, в свою постель она деда

не пустит. Заниматься любовью и спать она будет с тем, с кем сама посчитает нужным. Это ее личное дело!

Мирослава схватила чемодан, дорожную сумку, набитую непонятно чем, перекинула через плечо маленькую сумочку с кредитками и ключами от своей квартиры и рванула напрямик в аэропорт. Когда она выскочила из дома, охранник молча открыл дверь вызванной машины, и её беспрекословно доставили туда, куда велела наследница огромного состояния.

«Через два часа будь в клинике», – сухо прошелестела Целестина по телефону, когда Мира уверенно шагала к кассам. Она только фыркнула в трубку и протянула паспорт в окошко, где дружелюбный кассир выражал готовность продать лучшие места на любой необходимый рейс.

Глава 5. Максим

Торг шёл не один час. После того, как Мира выскочила из кабинета, а плеяда юристов вернулась, всё началось заново. Максим себя продавал и продавал дорого, отыгрывая свои интересы. Чётко, цепляя нюансы, не упуская из вида любую мелочь. В договорах Сильвестра не существовало такого понятия как «мелочь».

Максим узнал о своей «честь стать законным супругом» накануне, договор же готовился заранее, на любые вопросы были готовы ответы. На любой пункт – несколько подпунктов и поправок. На любое возражение – контраргумент. Его загнали в ловушку, провернули ключ, которых бросили в морскую пучину без всякого яйца, утки, зайца и сундука. Максим Аркадьевич не был человеком, которого легко сбить с мысли, его интуицию обмануть было непросто, поэтому он отыграл пару неудобных для него пунктов и обошёл в нескольких вопросах юристов Сильвестра, при этом постоянно анализируя атмосферу вокруг себя. Ощущая нутром, как воздух становится разряженным, а сумерки сгущаются над его головой.

Мультишка ненадолго внесла сумятицу, она послужила скорее досадной помехой, оставив от взгляда широко распахнутых лисих глаз ощущение липких рук и дискомфорта. Максим видел, как она побледнела, стала полотняно-белой, губы мгновенно приобрели безжизненный оттенок, а уже через секунду щёки, как и шея, покрылись бордовыми пятнами, и девушка выбежала из кабинета под молчание родного деда.

Какой-то абсурд... Но душевные терзания Миры мало интересовали Максима Аркадьевича, ему оказалось вполне достаточно утвердительного кивка Сильвестра, означающего, что всё идёт в рабочем режиме, чтобы снова углубиться в изучение подпунктов и деталей.

К пятнадцати часам Целестина объявила глухим голосом, что обед накрыт, встала и направилась в столовую. Сильвестр двинулся за ней, как и юристы, довольно потирающие руки.

Ещё через час Макс сидел в седане бизнес-класса, на заднем сиденье которого с комфортом расположились хозяин и его неизменная ассистентка. Они ехали в клинику. В это время врачи обычно уже расходятся по домам, но не в случае, когда консультация нужна Сильвестру или кому-то из его людей, тем более – семье. Старик с лёгкостью нарушал любые правила, и эта черта его характера, по мнению окружающих, была неотъемлемой.

Дородный, рано начавший лысеть мужчина суетился на пороге светлого здания, рядом с которым остановился водитель. На кармане белоснежного халата были вышиты инициалы и фамилия, а бейдж гласил, что никто иной, как главный врач собственной персоной вышел встретить дорогих гостей и оказать всестороннюю помощь по всем вопросам. Целестина обернулась в поисках главной героини происходящего, но руководитель лечебного учреждения, суется на полусогнутых ногах, доложил, а именно так это прозвучало, что Мирослава не появлялась.

Сильвестр улыбнулся, казалось, он абсолютно не воспринимает бунт внучки, и заговорил с главным о нуждах клиники, поморщившись от елея в голосе. Надо отдать должное, врач мгновенно перестроился, перейдя на деловой и сухой тон.

– Через двадцать минут её доставят, – коротко бросила Целестина и направилась к стеклянным дверям.

– Дом в полутора часах езды, – уточнил Максим.

Где могло пропадать зефирное чудо после того, как выбежало с пылающими щеками из кабинета? Он полагал, что всё это время Мира просидела у себя в комнате, чертыхаясь на деда, юристов и самого Макса. Он надеялся, что ей не придёт в голову обкуриться или нанюхаться какой-нибудь дряни и вырубиться где-нибудь без присмотра.

– Она в аэропорту, – проскрипела Целестина.

– Вот как? Она сама сказала? – Максиму становилось интересно.

– Мирослава отключила телефон. Но это не имеет значения, нам доподлинно известно, где она, а так же то, что ей не удастся улететь. Начальник службы безопасности уже направил к ней людей, – взгляд ассистентки стал жёстким.

Максим закатил глаза. Отлично! По-другому не остановить пигалицу весом едва ли пятьдесят килограмм? Надо направить двух мордоворотов и доставить Миру пред очи Целестины, как преступницу. Девчонка бунтует, что естественно в её положении. Если бы у Максима было чуточку меньше здравого смысла, он бы тоже рванул в аэропорт и из страны, только бы избежать этой сомнительной сделки. У Мультяшки очевидные проблемы с логикой, неудивительно, что она попыталась убежать, проигнорировав службу безопасности Сильвестра Прохоровича. Ребята, стоявшие у дверей или ходящие по пятам – ширма, которая скрывает работу профессионалов.

– Целестина, я сам заберу её, – пристально глядя ей в глаза, спокойно произнес Макс.

– Ты? – она в удивлении приподняла брови. – Что ж, вероятно, это имеет смысл, может быть, даже поможет вам найти общий язык.

– Вряд ли, – Максим Аркадьевич усмехнулся. Какой общий язык он может найти с карамельно-зефирной Мультяшкой, которая на полном серьёзе думает, что может ускользнуть от службы безопасности деда? – Дам ей возможность спустить злость в аэропорту на меня, а не здесь, на деда. Мира не похожа на девушку, способную контролировать эмоции и считаться с обстоятельствами, вряд ли вам нужен прилюдный скандал.

– Верно, – Целестина задумчиво посмотрела на него, тот, в свою очередь, попытался выдавить из себя улыбку.

Водитель молча открыл дверь и, не спрашивая, направился к зданию аэропорта. Найти Миру оказалось просто. Её фигурка в короткой спортивной куртке, провожающая взглядом самолёты, виднелась у окна. Джинсы обтягивали не только ноги, но и попу, подчёркивая вполне аппетитные, хоть и небольшие формы. Мира качнула головой, и волосы, лежавшие сплошной стеной почти до пояса, блеснули в искусственном освещении.

Мультяшка – внешне очень привлекательная девушка. Максим на минуту задумался, смог бы он встречаться с Мирой, не будь она той, кем является, будь она менее альтернативно одарена, и пришёл к выводу, что нет.

Привлекательная девушка, не женщина, почти девочка. Он же предпочитал женщин старше, понимающих, чего и от кого они хотят, не стесняющихся получать наслаждение и дарить его. Юношеский щенячий восторг от упругих девичьих попок прошёл у Максима давно. Он ничего не имел против упругости, стройности и молодости, но утирать слёзы, разгребать комплексы или рисковать своими нервами, потому что обладательница симпатичной попки и упругой груди имела неосторожность вообразить себе то, чего не было и быть не может, не горел желанием. Так что никакого, даже мимолётного романа у Максима с Мультяшкой быть не могло, но переспать пару раз без обязательств и дежурного обмена контактами – почему бы и нет?

– Привет, – он встал рядом и тоже стал смотреть на улицу, взлётную полосу, начинающее сереть небо.

Мира вопросительно уставилась на Максима, фыркнула и отвернулась, досадливо сморщившись.

– Твой чемодан? – продолжил он как ни в чём не бывало. – Сумка тоже?

Дорожная сумка, как и чемодан, были одной марки, в одной цветовой гамме, не масс-маркет, естественно. Маму Максима хватил бы удар, узнай она, сколько можно заплатить за обычную, пусть и добротную, сумку.

– Пошли, – одной рукой он взял за ручку чемодан, перекинул через плечо сумку, не слишком удобно, не под его рост, другую руку протянул Мире, как ребёнку.

Естественно, его окатили неприязненным взглядом и волной презрения, другого он и не ожидал.

– Ну? Сами пойдём или подождём парочку-другую добрых молодцев из охраны твоего дедушки?

– Сволочь, – прошипела девчонка.

– Так и есть, – Макс посмотрел на неё в упор. – Я сволочь, а ты невинная жертва обстоятельств.

– Гад, ублюдок, тварь, – лексикон девицы не радовал изысканной терминологией.

– Забавный словарный запас, – её оппонент даже не поморщился. – Не слишком богатый, или хорошее воспитание не даёт выругаться от всей души? Может, просто слов других не знаешь? – он продолжал идти, волоча беглянку за руку. Та упиралась, но шла.

– Ты продался! Знаешь, как называются те, кто торгует телом? Проститутка! – это очередное высказывание даже позабавило.

– Проститут, в моём случае так будет правильнее. Кстати, а ты почему не улетила? Погода же лётная, – с улыбкой поинтересовался Максим.

– Дед заблокировал все мои карты, – прошипела с ещё большей злостью Мира.

– А другой у тебя нет? К которой у дедушки нет доступа? – продолжал допытываться Максим.

– Есть. Но там всего тридцать тысяч, как можно прожить на эти деньги? Да ещё свалить отсюда? – отчаянье в голосе слышалось всё сильнее.

– Ну, положим, на билеты эконом-класса ты бы не потратила больше десятки, – Макс начал рассуждать вслух. – Двадцать тебе бы хватило на месяц за глаза, даже осталось, тебе ведь не надо платить по счетам, а за это время могла бы найти работу, официантки, например.

– Рублей! – вскрикнула Мультяшка. – Рублей! По-твоему, можно прожить на эти деньги?!

– Мои родители жили и не на такие деньги. Знаешь, большая часть страны живёт на меньшее, люди ходят на работу, получают образование, воспитывают детей, заботятся о стариках, даже умудряются откладывать на отпуск, машины покупать или, компьютеры, например, – Максим продолжал ликбез. – Я родом как раз из той, большей части, и если для того, чтобы не потерять то, чего я добился своим трудом, мне надо продать себя, стать проститутком, пройти медицинское обследование или даже спать с тобой – я сделаю это. И тебе советую.

– Советчик нашёлся, – девчонка попыталась вырвать руку, но у неё не получилось. Она только поморщилась от боли, потому что Максим сжал ладонь ещё сильнее, как тисками.

– Да, советую. – утвердительно кивнул Макс. – Ты ни хрена в этой жизни не знаешь, не умеешь, ты просто не выживешь без привычных тепличных условий, Мира. После заключения брака контроль над твоими счетами будет у меня, потому что твой дедушка уверен, что ты не в состоянии самостоятельно купить себе даже трусы. У меня нет желания ограничивать тебя в чём-то, отказывать в том, к чему ты привыкла и без чего не представляешь жизни, даже если мне это кажется излишеством или полным идиотизмом. При всём желании ты не сможешь спустить на ветер основные активы своих компаний, твой дедушка позаботился и об этом. У меня нет желания контролировать твою личную жизнь, я даже спать с тобой не хочу, если откровенно.

Мира остолбенела, побледнела, вспыхнула алым и неровно задышала, пришлось дёрнуть за руку, чтобы вывести её из ступора.

– Тогда зачем этот пункт о детях? – она недовольно прищурилась.

– Требование твоего деда. Надеюсь, ты понимаешь, что он не сможет заставить меня выполнять супружеский долг против твоей воли? И моей тоже. Я уже говорил, но повторю – у меня нет желания спать с тобой, тем более – насильно, – он почти выплюнул последнее слово.

– Тогда зачем эти пункты, зачем врач?! – развела руками Мира.

– Во-первых, это логично с точки зрения твоего деда, и я с ним согласен, а во-вторых, включи-ка голову! Я – мужчина, ты – женщина, мало ли... ну, вот мало ли! В состоянии алкогольного опьянения или... – он окинул Мультяшку пристальным взглядом. – Прости, не могу придумать веской причины заняться с тобой сексом, но у меня уже достаточно опыта, чтобы понимать, что порой с таким чудищем окажешься в постели, тушите свет, а ты миленькая. Так что, «мало ли», случайность нельзя игнорировать. Ты уверена в том, что я не болен? Скрытые инфекции, ВИЧ, гепатит?

Макс хотел было добавить, что совсем не доверяет Мире в этом отношении. Наркотики, дружок-наркоман и рок-музыкант, чего можно ожидать от таких связей? Любой букет, в самом неожиданном сочетании, и ведь не от каждого поможет презерватив!

Даже если опустить пункт об обязательном совместном проживании, вероятность секса нельзя исключать. Максим – живой мужчина, а его будущая жена, при всех её недостатках, привлекательна, и он реагировал на неё вполне ожидаемо. Вероятность незначительна, благо в наши дни для зачатия детей не всегда требуется половой акт, но Максим Аркадьевич предпочитал просчитать и это.

– В-третьих, ничего страшного или особенного в медицинском обследовании нет, – разъяснения и не думали приближаться к логичному концу. – Несколько врачей, кровь, мазки... Я не знаю, что ещё, но точно ничего страшного. И лучше тебе пройти это, вступить в брак и свалить от деда в светлое будущее со мной, где я не стану выносить тебе мозг учёбой, работой и вообще вмешиваться в твою жизнь, если ты не станешь вмешиваться в мою, – и внешние приличия будут соблюдены.

– Хм... – сбежавшая невеста остановилась, раздумывая.

– Звучит как хороший план? – Макс скорее утверждал, чем спрашивал.

– Вполне, – Мирослава наконец улыбнулась, и Макс неожиданно залюбовался её улыбкой. И даже скользнул взглядом по очертанию груди, плоского живота, талии и бёдер.

Осмотр в итоге прошёл быстро, даже быстрее, чем полагал Максим Аркадьевич. Несколько анализов, кровь сдали на следующий день, утром. Мирослава не устраивала скандалов, не одевалась вызывающе, не грубила, перед обедом говорила «приятного аппетита», а на прощание – «до свидания». Он даже стал подозревать в Мультяшке адекватность. Может, она была и не самой умной девушкой, но если гладить её по голове и доходчиво доносить свои мысли, она была даже милой и производила впечатление психически стабильного человека.

Но длилось это недолго. Целестина отправила Максиму результаты обследования Мирославы, как было указано в договоре. после этого должно было состояться подписание брачного контракта и перезаключение трудового соглашения с указанием его новых обязанностей и возможностей. А после примерки свадебного костюма, он мог ехать домой, требовалось вернуться только ко дню церемонии. Тем более, дела не ждали, некоторые проблемы требовали личного вмешательства Максима, да и мама, как назло, активировала «режим заботы», лучше было навестить её и снизить градус тревожности.

Макс долго изучал сканы на экране ноутбука, пока не захлопнул с грохотом, почти наверняка ломая.

Психически стабильная? Адекватная? С терпимым уровнем интеллекта? Милая?

Какая из этих характеристик подходила к Мирославе? Никакая!

Мультяшка, твою мать!

Глава 6. Мирослава

Мира изо всех сил старалась вести себя хорошо, иногда ей даже хотелось вызвать хотя бы капельку симпатии у будущего мужа. Раз уж им предстоит большую часть времени проживать на одной территории, то было бы неплохо хотя бы не вздрагивать от его взгляда.

Она не знала точно, что изменилось, но что-то поменялось в почти уже состоявшемся супруге к моменту подписания договора. Она даже хотела поговорить, но быстро передумала, не было никакой существенной разницы, являлось ли это плодом воображения Мирославы, или у Максима болят зубы.

Вениамин Рудольфович сообщил, что как только договор будет подписан, он, по прямому распоряжению Сильвестра, начнёт предпринимать серьёзные меры в деле Данилы, а отпустят музыканта в день свадьбы. Ждать, выяснять, задумываться и тем более откладывать подписание и последующую за ним свадьбу Мира была не намерена. Что бы ни беспокоило мужчину, выбранного ей в мужа дедом, она не собиралась растягивать срок пребывания Данилы в следственном изоляторе, куда, как сказал адвокат, его перевели. К тому же, дедушка сказал, что выпустят всю рок-группу.

В день подписания она встала даже раньше завтрака, привела себя в порядок, пожелала всем за столом приятного аппетита, поприветствовала улыбкой юристов, когда зашла в кабинет и уселась в дедушкино кресло, которое он ей уступил.

Сначала высокий и тощий, как швабра, юрист обращался только к будущему супругу Миры. Глава финансового отдела, как она поняла, заискивающе улыбался всем по очереди, так и не решив для себя, на кого обратить более пристальное внимание. На хозяина, который демонстративно отходит от дел внучки, уступая право подписи бывшему подчинённому и уже почти члену семьи, самому Максиму или Мирославе, не зная, не является ли она серым кардиналом, каким всю жизнь была Целестина.

Мира забрала волосы в высокий пучок, оделась по случаю, не забыв про обувь и аксессуары, включая очки в оправке, естественно, из последней коллекции, минимизировала количество косметики на лице и проигнорировала духи. Сама сдержанность, пунктуальность и профессионализм.

Когда финансист поспешно вышел, тихо прикрыв за собой дверь, юрист продолжил зачитывать пункты договора, Мира подписывать, а нотариус бесконечно заверять. Вскоре очередь дошла и до Максима, который почему-то посмотрел на Целестину. И Мире показалось, что та подбадривающе улыбнулась, словно он нуждался в поддержке, перевела сухой взгляд на Миру, вздохнула и наклонила голову, опустив глаза на клавиатуру.

Впервые за время подписания и, наверное, всего времени, что Мира наблюдала за Максимом Аркадьевичем, она наблюдала, как край непроницаемой маски с него слетел. Лучше бы она не обратила на это внимания – такой концентрированной смеси брезгливости, отвращения и недоумения Мира не видела никогда в жизни. Она ощутила себя склизкой жижей, источающей миазмы на сто километров вокруг себя, а Максиму пришлось не только подойти вплотную, но и протянуть к ней руку. Его едва не вырвало, когда он смотрел на Миру.

Она невольно отшатнулась, но в этот момент маска вновь напозла на перекошенное отвращением лицо, и опять перед ней сидел лощёный топ-менеджер с непроницаемым, жёстким, анализирующим, едва ли не надменным взглядом.

Через несколько минут судьба Мирославы была решена, документы подписаны и заверены нотариально. Все действующие лица, обеспечивающие процесс, молча встали и двинулись на выход, кивая оставшимся в кабинете. Максим Аркадьевич тоже вышел, сославшись на безотлагательные дела и на то, что он хотел бы отдохнуть перед полётом, так как уже через несколько часов его ждал самолёт. Сообщил, что вернётся только накануне торжества, дежурно

заметил, что полностью доверяет вкусу Мирославы и уверен, что всё пройдёт в лучшем виде. Затем слегка склонил голову, как офицер царской армии, и скрылся за дверью.

– Мира, задержись, дорогая, – произнёс дедушка, когда та встала с намерением подняться к себе и переодеться, строить из себя менеджера среднего звена в брендовой одежде ей надоело.

Мира остановилась, дед поднёс к уху телефон и через мгновение произнёс:

– Вениамин Рудольфович, можно. Да, всё, как и оговаривали, да, да, естественно, – говорил дед в трубку и смотрел в упор на Миру, пока та расцветала в улыбке. – До свидания!

– Ну, ты довольна? – он даже улыбнулся. Мира согласна кивнула, она была довольна, ещё как! Захотелось, чтобы свадьба состоялась уже завтра или даже сегодня!

– Надеюсь, это скрасит твой завтрашний день, – проговорил дед и просканировал взглядом внучку, та замерла, согласно кивнула и вышла из кабинета.

Прошла широкую лестницу на автомате, не замечая светлых стен, пилястр и капителей. Упала в своей спальне поперёк кровати и уставилась в белый потолок с огромной люстрой, переливающейся хрустальными гранями, свисающей извилистыми сталактитами и каплями-слезинками. В детстве ей казалось, что дед живёт в настоящем дворце, и люстра была этому подтверждением. Мира любила дом, комнату, парк и живописные окрестности, обожала приезжать сюда на каникулы, в выходные или просто так, без видимых причин.

Мире было двадцать два года, а ей вдруг показалось – двести двадцать два...

На обед она не пошла, не было настроения и аппетита, вышла в парк, проигнорировав одного из охранников, плетущегося следом за ней, села на качели и уставилась себе под ноги. Мраморная крошка шуршала под ногами, несколько огромных деревьев, их не срубили при постройке и даже, как рассказывал дедушка, изменили планировку дома ради одного из них, стояли уже оголённые, перечерчивая тёмными стволами серое небо. Как вызов природе зелёный газон, ухоженный и нетронутый ногами хозяина или служащих. На территории поместья уже давно никто не ходил по газонам, не лазил по деревьям, не визжал, раскачиваясь на качелях выше звёзд. Здесь всегда было тихо, и охрана, которая в других местах сливалась с окружающей обстановкой, тут ходила буквально по пятам, обеспечивая ощущение безопасности.

Мира посмотрела на домики для гостей, рядом с одним из них курил человек. Наверное, лучше подойти, пожелать доброго пути, хотя вряд ли будущий муж горит желанием видеть или разговаривать с ней, как и она с ним. Она не хотела видеть привычно непроницаемое лицо и цепкий, оценивающий взгляд едва прищуренных глаз, скользящих по её фигуре и лицу. Она помнила, какой горячей и сильной была рука Максима Аркадьевича, когда он вёл её в аэропорту. Мирослава была уверена, что на ладони останутся синяки, но их не было, покраснение спало до того, как приехали в клинику, и на пороге их встретил дед, никак не прокомментировав произошедшее.

Максим Аркадьевич подошёл сам, она наблюдала, как он быстро и уверенно переставляет длинные ноги, держа руки в карманах распахнутого пальто, из-под левого рукава выглядывали часы. Туфли были не по сезону – большую часть дня Максим находился в домике для гостей, и, скорее всего, работал, как и всё окружение деда, едва ли не круглые сутки, а в клинику, единственное место, куда он отлучался из поместья, его отвозили на автомобиле.

Он даже не гулял по парку, на улицу выходил только курить, несмотря на то, что в домике была отключена противопожарная сигнализация. Волосы от влажного воздуха взлохматились, или он специально взъерошил их рукой, и от утреннего презентабельного вида не осталось и следа. Если бы не пальто, обувь и гладко выбритое лицо, он показался бы Мире обычным человеком, без счётчика в глазах.

– Я уже попрощался с твоим дедушкой, – проговорил ровным голосом Максим, когда приблизился. Охранник в это время отошёл на расстояние, возможно, проявив деликатность, а скорее выполняя инструкцию. – Вот, подошёл попрощаться с тобой.

– Доброго пути, – Мира приподняла бровь и всмотрелась в лицо будущего мужа.

Он был почти привлекательным и казался почти человеком, если забыть, за какую сумму он вежлив с ней, и что скоро им предстоит жить под одной крышей, и... нельзя исключать «случайность», как назвал их возможную близость Максим Аркадьевич. Интересно, за какую сумму он откажется от любой потенциальной «случайности»? Впрочем, учитывая, что финансами Мирославы отныне будет управлять именно он, вряд ли будет так просто его купить.

– Я приеду накануне торжества, – заметил спокойно он и снова скользнул взглядом по Мира.

Она невольно поёжилась, прочитав в глазах жениха иронию и ещё что-то, пока неясное. Отвернувшись, решив, что разговор окончен, и увидела, как к ним идёт Целестина. Мира знала её всю жизнь и одно время, в детстве, даже считала своей бабушкой, другой у неё никогда не было. Родители мамы умерли давно, жена деда тоже, ещё до рождения Мирославы и всех своих внуков. Целестина отлично подошла на эту роль и исправно подыгрывала маленькой девочке, пока та не подросла и не стала понимать, что та ассистент дедушки, правая, левая рука и даже шея. И не только деда, но всех компаний, которыми владеет выжившая часть семьи Сильвестра – лично он и Мирослава, вступившая в наследство после смерти своих родителей и передавшая права на управление сначала деду, а теперь и мужу – со дня вступления в брак.

– Мира, привезли платье, – проговорила Целестина, посмотрев при этом на Максима, как бы спрашивая его о чём-то одними глазами. Видимо, не получив ответа, сжала губы и развернулась к Мира. – Портной ждёт.

– Свадебное? – Максим произнёс так, будто ему интересно. Лицемерный и скользкий тип!

– Траурное, – окатила в ответ Мира. – Каждый год новое. В год по платью.

– Прости, – произнес её собеседник почти искренне, но Мира не хотела с ним разговаривать. Она развернулась и ушла, быстро перебирая ногами, слушая привычный шелест под подошвами.

Каждый год один и тот же ритуал.

Платья Целестина подбирала сама, как и вызывала накануне портного, чтобы подогнал по фигуре. На следующей день Сильвестр ехал на семейное кладбище, там его сопровождала Целестина, а Мира дожидалась в машине, так ни разу и не выйдя из неё.

Когда-нибудь у неё найдутся силы, сердце перестанет отбивать бешеный ритм, и Мирослава сделает это. Когда-нибудь, но и не в этом году точно.

Потом дед садился в отдельное авто и уезжал куда-то, только Целестина и служба охраны знали – куда, а к ужину возвращался. Молчаливый, сморщенный, как засушенный опёнок, при этом негибкий, как железный прут. Выпивал рюмку водки. Это был единственный день, когда дедушка употреблял алкоголь, и уходил к себе.

Однажды Мира услышала, что Сильвестр ездит в этот день в церковь, но не поверила, она не встречала большого атеиста, прагматика и циника, чем её дед. Сейчас она бы не поверила тем более. Не дрогнув, он вынуждает единственную внучку выйти замуж, нисколько не считаясь с её мнением. Человек, хотя бы отчасти верящий в бога, высший разум или вселенскую справедливость, вряд ли поступил бы так.

Портной вышел из комнаты тихо, не издав ни звука, будто растворился в воздухе, сказав напоследок, что платье пришлют к пяти утра, и оно сядет ровно по меркам. Миру не интересовало, как оно сядет.

Она направилась в рабочий кабинет Целестины, который располагался рядом с дедушкиным, чтобы оповестить, что портной убрался из дома. Кабинет был обставлен добротной мебелью из натурального дерева, там пахло озоном от оргтехники и чем-то сладковатым. Царил идеальный, почти нежилой порядок, несмотря на то, что иногда ассистентка проводила там по восемнадцать часов в сутки.

Мира замерла у закрытой двери, из-за которой доносился разговор на повышенных тонах. Спорили Целестина и дед. Спорили – чего Мира не припомнила ни разу в жизни, ни в детстве, ни сейчас.

– У девочки свадьба, Сильвестр, – почти кричала помощница. – Тебе ли не знать, что происходит с Мирой после этих твоих ритуальных походов! Ты должен был или перенести свадьбу на другое время, или не принуждать в этом году девочку ехать с тобой!

– Она должна хранить память, она обязана это делать! – голос деда звучал громко и отчётливо.

– Каждый делает это по-своему, и она тоже, – зашипела Целестина. Мире показалось, что ещё немного, и из-под двери пойдёт едкий дым.

– Ты не знаешь, что это такое! – громыхнул дед, следом последовал хлопок, напоминающий удар книги о столешницу стола.

Мирослава продолжала стоять у двери, пытаясь собраться с силами. Это всего лишь разговор, разговор, может быть, приоткрывающий дверь в прошлое, то, которое покрыто мраком для Мирославы, и она категорически не хочет, чтобы там, на том конце, загорелся свет и осветил всю возможную неприглядную правду о деде или всей её погибшей семье.

Мирослава сама не поняла, как оказалась в домике для гостей, не поняла, почему смотрит на небольшую дорожную сумку, не поняла, как выпалила: «Возьми меня с собой!».

Выдержала пронизывающий взгляд, не услышала в ответ согласия, и просто смотрела, как Максим подносит к уху телефон и произносит: «Целестина, у меня трудности, подойди, пожалуйста!».

Глава 7. Максим

Максим смотрел на запыхавшуюся Мультишку, на загнанный блеск её глаз, и пытался быстро сориентироваться в происходящем. Накануне, почти ночью, он позвонил Целестине, и та пришла к нему в домик для гостей уже за полночь, когда терпение и разумные доводы заканчивались, осталось лишь желание пустить свою жизнь псу под хвост.

Сказать, что Максима удивили результаты медицинского обследования Мирославы, что они шокировали его – значит, не сказать ничего. *Virgo* и *per rectum*...

В университете, где учился Максим, латынь не преподавали, но школьных знаний хватило, чтобы понять, что *virgo* – это дева, девственность, а *rectum* – ректально. Осмотр проводился ректально.

Девственность? Мирослава девственница?

Наследница баснословного состояния, доведшая своими выходками и загулами главу семейства до состояния, когда тот вынужден выдать её, буквально насильно, замуж за человека, который точно, благодаря штату юристов, не позволит уйти на сторону этому самому состоянию.

– В чём подвох? – прямо заявил Макс в тот момент, когда Целестина ещё устраивала пальто на плечики.

– Прости? – бровь помощницы старика изогнулась в недоумении.

– Ты видела результаты обследования, давай говорить начистоту, я хочу точно знать, с чем имею дело, – поспешил пояснить Максим.

– И что же тебя настолько, озадачило? – с акцентом на «настолько» поинтересовалась Целестина.

– Пройди, – Максим показал на дверь в «переговорную», а сам прошёл на кухню и вернулся с чашкой чая для ночной посетительницы и кофе для себя.

Целестина сидела ровно, не притронулась к предложенному напитку, спокойно смотрела на Максима, давая ему собраться и начать разговор так, как он посчитает нужным.

– Буквально на днях ты рассказала мне историю про роман с рок-музыкантом, наркотики, пагубное влияние, и я поверил, тем более, имел возможность убедиться, что с наркотиками Мира знакома, – начал наступление Максим.

Он внимательно смотрел на Целестину, но пробить броню железного спокойствия этой женщины было невозможно, как и прервать её молчание. Она слушала, сидя так же ровно и смотря так же спокойно.

– И сегодня я узнаю, что моя невеста – девственница. Это шутка такая? В чём подвох? – без пяти минут супруг внучки начальника, казалось, нервничал.

– Не шутка, – его собеседница стойко сохраняла хладнокровие.

– А как же дружок рок-музыкант? Наркотики? Она встречается с этим... как его..., – Максим щёлкнул пальцами, вспоминая дурацкое название рок-группы и псевдоним солиста.

– Его имя Данила Сергеевич Щербаков, – почти по слогам произнесла Целестина.

– Хорошо, Данила Сергеевич, – он откинулся на спинку кресла. – Данила Сергеевич в курсе, что у него роман с Мирославой?

– Несомненно, – ассистентка старика учтиво наклонила голову в бок.

– То есть, Целестина, ты хочешь сказать, что тридцатилетний рок-музыкант, наркоман, встречающийся с двадцатидвухлетней девушкой, красивой, надо заметить, девушкой, не переспал с ней? – нотки сарказма проявились в голосе против воли.

– Ты видел заключение врача, – Целестина была образцом сдержанности.

– Хорошо. Хорошо. Ты говорила, что они встречались с осени, выходит, пару месяцев. Вероятно, этим можно объяснить, молодые девушки иногда романтичны, а мужчины прояв-

ляют терпение, – Максим ощущал себя базарной бабой, копающейся в чужом грязном белье, но точки должны были быть расставлены. – Однако Мирослава с семнадцати лет проживает самостоятельно, до этого она, насколько мне известно, училась в Англии и тоже не была обременена неусыпным контролем.

– К ней была приставлена охрана, – Целестина продолжала придерживаться выбранной линии поведения.

– Охрана не вмешивается в личную жизнь, – Макс отмахнулся от ничего не значащего факта. – Каким образом ей удалось сохранить эту... реликвию до сегодняшнего дня? Что с ней не так? Меня интересует её психическое здоровье в первую очередь!

– У тебя есть заключение специалиста, – престарелый образец спокойствия и лаконичности начинал бесить Максима. Ему бы такие качества ох как не помешали в работе!

– Брось, за девять минут, что этот специалист уделил Мире, невозможно диагностировать проблему, если она не очевидна. А проблема есть, – он развёл руками. – Если молодая, физически здоровая девушка отказывается от сексуальной жизни – она психически нездорова. Сексуальная абстиненция – это девиация, отклонение от нормы, один из признаков психического заболевания.

– Ты слишком категоричен, – Целестина даже выдавила из себя улыбку. – Если ты настаиваешь на более тщательном обследовании, нам придётся отложить подписание договора, а это, как ты понимаешь, не может не сказаться на твоём будущем.

Да, это Максим понимал очень хорошо.

– Она не зависима, физически здорова, – продолжал рассуждать он. – Вряд ли она вела образ жизни, выходящий за рамки допустимого для её возраста и положения, не остаётся видимых причин поступать так, как поступает Сильвестр Прохорович, кроме психических отклонений. Я хочу знать, чего мне ожидать от психически нездоровой жены, это единственное, что я хочу. Склонность к затяжным депрессиям, суициду, нуждается ли она в медикаментозном лечении. Всё, что может быть важно.

– Максим, ты слишком накрутил себя, скорее всего, это последствия прессинга последних дней, – так же размеренно продолжила сидящая перед ним. – Уверяю тебя, Мирослава здорова. Откровенно говоря, я была обескуражена, получив это заключение, мы никогда не говорили на столь личные темы, но это не указывает на психическое нездоровье девочки. Это всего лишь девственность, – она снова улыбнулась. – Не ожидала такой паники от почти тридцатилетнего мужчины, – произнесла эти слова, Целестина даже усмехнулась. – Думаю, как муж ты решишь... эту проблему.

– Хорошо, пусть так, – согласился Максим.

Ничего другого не оставалось. Обсуждать дальше эту щепетильную тему он не хотел. Главного он так и не выяснил, вопрос невинности считал довольно интимным и не собирался обсуждать это с кем-либо, кроме обладательницы оной.

В процессе интернет-сёрфинга Макс выяснил, что страниц в социальных сетях у Мультяшки не было, или они были заведены под другими именами, однако фотографии с Данилой нашлись довольно быстро. Даже на официальном сайте группы, на фотографиях с концертов, были изображения Миры, как отдельно, так и с солистом, причём последний обнимал девушку и держался отнюдь не на дружеском расстоянии.

Попадались фотографии со светских раутов или отвязных тусовок, на них Мира тоже не выглядела девушкой, готовящейся принять постриг. И это были фотографии, на которые было получено разрешение, а сколько закрытых вечеринок, откуда только самоубийца сольёт фотографии? Тусовок и приятелей-мажоров, находящихся в перманентном наркотическом опьянении.

Мирослава страдает каким-то психическим заболеванием, признать недееспособной единственную наследницу миллиардного состояния Сильвестр не может себе позволить.

Неудивительно, что он с такой настойчивостью выдаёт её замуж, обставляя всё таким образом, что муж, получая всё, – не получает, по сути, ничего.

Управляющий состоянием, заинтересованный в жизни и здоровье своей подопечной.

Сейчас, за сорок минут до отъезда, он смотрел на запыхавшуюся девицу. Её лицо покрылось пятнами, глаза бегали из стороны в сторону, руки тряслись. Можно было бы списать это состояние на годовщину смерти родителей, которая, как оказалось, как раз случится завтра, но при разговоре в парке Мира была спокойна, не выглядела заплаканной, не показалась огорчённой.

– Возьми меня с собой! – в дрожащем голосе угадывались нотки мольбы.

– Прости? – нахмурился Макс. – Разве завтра ты не должна здесь присутствовать? – он ответил Мира только после звонка Целестине, внимательно глядя на девушку, готовый к какому угодно повороту событий.

– Я никому ничего не должна! – Мира в отчаянии взмахнула руками.

– Прекрасно, проходи, – он посторонился, пропуская её в переговорную. – Чай, кофе? Есть минеральная вода и сок.

– Ждёшь Целестину, понимаю, – девчонка кивнула головой и нервным движением собрала волосы в хвост.

– Жду, – не стал отрицать почти состоявшийся муж. – Думаю, этот вопрос лучше решать с ней или твоим дедушкой.

– Ты все вопросы собираешься обсуждать с ними? – лицо Мира наконец приобрело нормальный оттенок, только щёки немного покраснелись с улицы, что, надо признать, добавляло очарования. – Муж ты или нет? – она усмехнулась и посмотрела в упор, с наглостью и даже вызовом.

– Я пока тебе не муж, – напомнил он. Вытянул ноги и внимательно оглядел фигурку напротив.

Всё-таки сосватанная ему в жёны Сильвестром собственная внучка была на редкость хорошо сложена, грудь небольшая, но явно не скромная единичка, стройные ноги, хорошенькое личико. Пришлось отвести глаза. Она своим видом вызывала фантазии, которые вряд ли были уместны в данной ситуации.

Он ни в коем случае не собирался брать её с собой. Помимо рутинных дел, которые накопились за время отсутствия Максиму нужно вникнуть в новые обязанности и тонкости. А одну проблему нужно было решать безотлагательно – откуда-то нагрянула неожиданная проверка одного из ведущих отелей. Ему точно будет не до психически нестабильной девчонки, будущая она жена или настоящая. Однако отказывать с порога не решился, один бог и, конечно, Целестина с Сильвестром, знают, как себя вести с этой умалишённой. Максиму только предстояло этому научиться. И сейчас точно не лучшее время для практики.

– Я хочу поехать с Максимом Аркадьевичем, сегодня, – заявила Мультяшка, как только помощница старика вошла.

– Но..., – было очень странно увидеть на лице ассистентки замешательство.

– Я не могу! Не хочу быть здесь завтра, понимаешь? – настаивала на своём девчонка.

Целестина посмотрела на Максима, тот отрицательно качнул головой и отвернулся к окну.

– Выйди, пожалуйста, девочка, – услышал он шёпот Целестины и тихие шаги из комнаты. – Максим, думаю, это хорошая идея.

– Вот как? – ему не хотелось сдавать позиции.

– Да. Во-первых, Мира действительно плохо переносит... этот день, – помощница старика вздохнула, – а во-вторых, ты убедишься, что у неё нет проблем, о которых мы говорили вчера.

– Или, наоборот, мне представится случай познакомиться со всеми её проблемами разом, один на один. Я даже не уверен, что могу наладить с ней коммуникацию, – Максим продолжал настаивать на своём.

– Не надо ничего налаживать! Мира здорова, адекватна и дееспособна. Ты сам убедишься в этом, – Целестина снисходительно улыбнулась.

– Всё, что делаю в эти дни, так это убеждаюсь в её адекватности, дееспособности и здравье, – прищуренный взгляд опять устремился в окно. – У меня есть дела, которые я должен уладить без неё, понимаешь?

– Ты говорил, что у тебя нет обязательств, – Целестина смотрела на него испытующе.

– Нет, обязательств нет, – поспешил заверить её Максим. – Но, в отличие от Миры, я не страдаю сексуальной абстиненцией, так что, естественно, у меня есть дела, которые я должен уладить, прежде чем связать себя узами брака.

– Вряд ли Мира может помешать тебе в этом вопросе, – продолжала отстаивать свои позиции ассистентка.

– Билеты? – приводя ещё один довод, Макс уже понимал, что возьмёт зефирное недоразумение с собой, и помощи ему боже пережить дни до свадьбы и вечность после.

– Это не проблема, самолёт Сильвестра к вашим услугам, – казалось, у Целестины имелись готовые ответы на все его вопросы.

– А что скажет сам Сильвестр Прохорович? – была предпринята последняя попытка.

– Это я возьму на себя. Мира, девочка, – позвала громко Целестина. – Ты можешь собирать вещи, Максим Аркадьевич возьмёт тебя, если ты пообещаешь вести себя хорошо.

Обычно суровая сильная представительница слабого пола мягко улыбалась.

– Я буду славной девочкой, – Мультяшка засияла и подмигнула Максиму. Он нервно провёл по волосам. Это карамельно-розовое недоразумение убьёт его...

Через три часа Максим Аркадьевич поднялся на борт частного самолёта и уселся за стол перед иллюминатором. На два пассажира было три бортпроводника: симпатичная особа средних лет и два молодых парня. Стюардесса приветливо предложила воды, сообщила, что поесть можно после взлёта, перечислила меню, как в добротном ресторане, в котором не было экзотических, сложных блюд, как и на столе самого хозяина самолёта. Пройти в комнату отдыха и воспользоваться уборной можно было так же, после взлёта.

Комфорт, сдержанные тона отделки – бежевый и слоновой кости, дерево. Женщина в форменной одежде приглушённого синего цвета, в юбке до середины колена, хорошо сложенная, но далёкая от форм модели. Всё степенно, ничего вычурного, если не считать самого факта наличия собственного самолёта.

Капитан, мужчина лет сорока пяти, вышел и представился Сергеем Петровичем Смирновым. Мультяшке же улыбнулся, как давней знакомой, дружески приобнял за плечи, та ему что-то прошептала на ухо, брови капитана поползли вверх, но он быстро взял себя в руки и улыбнулся ещё раз.

После взлёта Мира попросила шампанское и томатный сок, достала из отсека тапочки-носки из натуральной шерсти, в форме овечек, поболтала ногами, как дошкольница, уселась удобней и уставилась в книгу, не проронив ни слова за несколько часов полёта, обращаясь только к персоналу, неизменно вежливо и с улыбкой.

До квартиры Максима их сопровождала охрана. Начальник службы собственной безопасности сообщил перед отлётом, что встречать будут ребята, работающие обычно в головном офисе, где работал и сам Максим, обходившийся до этого дня без подобной чести. Машина охраны маячила в зеркале заднего вида служебного автомобиля, предназначенного для будущих молодожёнов.

– Максим Аркадьевич, – его помощница сидела на кожаном диване в просторном холле при входе, рядом со стойкой консьержа, и встала, чтобы встретить руководство.

– Очень хорошо, что ты уже здесь, – проговорил Максим и двинулся дальше. – О, это моя невеста Мирослава, – опомнившись, он притянул к себе Миру, обнял её, положив руку на плечо. – Это моя помощница Мария.

– Наслышана, – искренне улыбнулась Маша и протянула руку для знакомства. Мира спокойно ответила и так же улыбнулась в ответ.

Максим внутренне напрягся. Спокойная и адекватная Мультишка пугала его больше, чем недоразумение в порно-платье, дымящее марихуаной в его спальне.

– Ты принесла? – с ходу начал решать вопросы Макс.

– Да, – отчеканила Маша и глазами указала на увесистый портфель.

Охрана проводила компанию до дверей квартиры, личность Маши, естественно, проверили до этого не один раз, и Максим, наконец, переступил порог своей квартиры. В сопровождении бывшей любовницы и будущей жены.

Глава 8. Мирослава

То, что Максим не хотел брать Миру с собой, было ясно с самого начала, но и она не хотела выходить за него, так что потерпеть её присутствие несколько дней, пока ей не придётся возвращаться в поместье бабушки для последней подгонки свадебного платья, – не такая огромная проблема. В договоре прописано совместное проживание после бракосочетания. Будет репетиция.

То, что самой Мире не хотелось лететь неизвестно куда с человеком, которого она не знает, тоже было ясно с самого начала. Если бы не выходка бабушки, она бы не столкнулась с человеком, навязанным ей в мужа, никогда в жизни.

В последние дни Мирослава отлично поняла значение пословицы «из двух зол выбирают меньшее». Несколько дней один на один с будущим мужем – меньшее из зол, даже если он думает по-другому.

Всю дорогу Мира игнорировала оценивающий взгляд Максима Аркадьевича. Его лицо оставалось бесстрастным всё время, пока они ехали к аэропорту, находились в самолёте и добирались к его дому, а вот взгляд будто анализировал любое движение Миры. Он был похож на рейнджера из старых голливудских фильмов – сосредоточенный, готовый в любой момент выхватить оружие и разmozжить врагу голову.

Уже сидя в служебном автомобиле, Мира поняла, что не знает, где живёт Максим. Дед щедро платил своим приближённым, вряд ли он проживает в коробке из-под телевизора, но узнать заранее было не лишним. Ещё несколько дней назад незнакомый ей мужчина поднял глаза, смерил её всё тем же невидящим и в то же время напряжённым взглядом и размеренно, даже монотонно сообщил, что у него квартира с одной спальней, кабинетом и помещением, выполняющим роль гостиной и кухни одновременно. Пока Мира приходила в себя, добавил, что санузел в квартире совмещённый.

– О, – не нашлась, что ответить Мира.

– Я живу один, мне хватает, – он равнодушно перевёл взгляд в окно, смотря на иллюминацию центра города, где гудели разговоры празднующейся молодёжи, играли уличные музыканты, лилась музыка из магазинов и ресторанов.

Всё оказалось ещё хуже, чем представляла себе Мира.

Квартира располагалась в хорошем жилом комплексе, так называемом «элитном», с подземным паркингом, обустроенной детской площадкой и зелёным двором, охраной и консьержем, просторными лифтами, панорамными окнами и красивым видом из них. Светлой и со вкусом обставленной. Более лаконично, чем нравилось Мире, но это было жильё одинокого мужчины, так что сдержанные цвета и минимализм были понятны.

«Помещение, выполняющее роль гостиной и кухни» оказалось огромным, во всю стену было окно, правильней сказать, что стена была стеклянной. Огромный полукруглый диван делил пространство на две условные зоны: отдыха и кухонную. В первой расположилась огромная панель телевизора на стеклянной подставке, стеклянные же стеллажи, на которых было немного книг – в основном публицистика, учебная литература, никакой художественной, головоломки, какие-то сувениры.

Стеллажи можно было без труда передвинуть с места на место по паркету из натурального дерева, похожего на выбеленный дуб, рядом с диваном – журнальный столик, тоже стеклянный. Немного сглаживал впечатление яркий, с этническим рисунком и высоким ворсом ковёр, распластаный на полу, занимающий примерно половину помещения. Рисунок повторял орнамент на стене кухонной зоны, с неяркой мебелью, но не стеклянной, что само по себе радовало. Иначе от количества стекла и серого цвета можно было ощутить себя в аквариуме.

Дизайн не волновал Миру, а вот всё остальное, помимо «помещения выполняющего роль гостиной и кухни», которое оказалось проходным, не радовало абсолютно. Была одна маленькая спальня и один небольшой кабинет, двери и того, и другого, как и дверь единственного санузла, выходили в это самое «помещение».

Где она будет спать? Даже если хозяин квартиры уступит свою спальню, ей совсем не хочется пробираться ночью в уборную мимо спящего Максима Аркадьевича. Она даже с трудом представляла себе его спящим.

Мира уселась на диван и ещё раз обвела стеклянную стену взглядом. Надвигался вечер, почти ночь. Часовые пояса давали возможность наблюдать за вечерними сумерками второй раз за день. Хотелось спать и есть. Несмотря на то, что Мира плотно поела на борту самолёта, есть почему-то хотелось очень сильно.

Максим проигнорировал её просьбу, ответив, что спешит, сослался на неотложные дела, предложил поехать дома. И вот она «дома». Неотложные дела его ждали у дверей, как верный пёс, и представились Марией или Машей, как назвал её Максим. В том, что Маша – любовница Максима, у Миры не было никаких сомнений. Помощницы, ассистентки и секретари не смотрят взглядом верной собаки на руководство, тем более вечером, когда безапелляционно прерывают их отдых и требуют срочного присутствия.

Маша держалась с достоинством, Мира даже немного позавидовала её спокойствию. Помощница будущего супруга стояла в стороне, к Максиму не прикасалась, смотрела на него отстранённо, на Миру – приветливо, даже с толикой тепла, но в том, что между ними были отношения, Мира была уверена. Это даже хорошо, она воочию увидела ту, с кем будет проводить время её муж... Оценив её достоинства по достоинству, признала, что у Максима неплохой вкус.

Маше можно было дать около тридцати лет. Она была высокой, выше Миры, и достаточно стройной, при этом её нельзя было назвать худой, грудь и бёдра могли порадовать глаз любого мужчины. В случае Максима не только глаз. Светлые волосы вплетены во французскую косу, уголки серых глаз уже тронуты инъекционной косметологией, и пухлые губы. Будь Мира мужчиной, она бы нашла их чувственными, как и весь образ Маши – красивым и зрелым.

Мирослава прошлась по комнате, заглянула в совмещённый санузел, он был большим. Отдельно стояла ванна, душевая кабина за стеклом, две чаши-раковины, стеклянные стеллажи с полотенцами, биде и унитаз. Когда живёшь один или с любовницей, действительно, удобно. Обследовала кухню. К удивлению, холодильник был забит продуктами, более того, на магните был прикреплён список, написанный женской рукой. Шкафчики, которые Мира открыла интуитивно, тоже оказались заставлены стратегическим запасом.

– Займись этим, – именно так ответил Максим, когда Мира напомнила, что голодна.

Первой мыслью было отправиться в какой-нибудь ресторан, второй – заказать еду на дом, третьей – приготовить самой. В качестве благотворительной акции и один раз.

Мира пробежалась по списку продуктов, решив, что у неё есть всё необходимое, шмыгнула в ванную переодеться и принялась готовить под сильный голос Данилы. Настроение становилось лучше и лучше. Когда подкатывало отчаяние или страх, когда всплывали воспоминания или мороз пробегал по коже, Мира делала звук громче и продолжала чистить, резать, размешивать, натирать, поджаривать, отваривать до полуготовности, и успокаивалась. Даже становилась весёлой. Вот только каперсы никак не желали открываться. Мира добросовестно подковыривала крышку ножом, ставила под горячую воду, крутила изо всех сил, но крышку словно заговорили.

Она посмотрела на дверь кабинета. Интересно, если она сейчас войдёт, а эти двое занимаются сексом, будет ли это нарушением договора со стороны Максима Аркадьевича? И нужно ли это нарушение в первую очередь ей? Мира представила себе Машу, с её светлыми волосами и женственными формами, в объятьях Максима, её передёрнуло, кажется, от злости. Больше

на неприятную для себя тему она думать не стала, а просто вошла в кабинет без стука, неся впереди себя банку с каперсами, как вымпел.

Максим Аркадьевич смотрел на листы А4, разложенные в каком-то порядке на столе, и что-то помечал в них карандашом, нагнувшись над столом, одной рукой взлохмачивая волосы. Пиджак он накинул на спинку стула, галстук снял, рубашка была расстёгнута почти до середины. Маша стояла рядом, со стопкой листов, и подавала один за другим Максиму, что-то при этом говоря. Оба замерли, когда на пороге появилась Мира, и проводили взглядом, пока Мира шла к Максиму и протягивала банку.

– Открой, пожалуйста, – она потрясла банкой прямо перед носом обладателя взъерошенной шевелюры.

– Пожалуйста, – спокойно ответил тот и окинул Миру взглядом от высокого хвоста до пальцев ног.

Мира развернулась вокруг своей оси и вышла. Отчего-то улыбаясь от уха до уха.

Через полчаса из дверей кабинета вышли двое, Мира как раз выключила плиту и накрыла салатницу пищевой плёнкой. Маша часто моргала, глядя на Миру в растерянности, а Максим двинулся к входной двери, чтобы открыть её госте.

– Маша, может, останетесь? – решила проявить вежливость Мира.

– Спасибо большое, – ответила Маша. – Я спешу домой, а вы, должно быть, устали. Дорога, разница во времени и приготовление ужина.

– Да, – мурлыкнула Мира. – Немного устала, но решила побаловать своего любимого ужином. Он очень любит, когда я готовлю ему, правда, малыш? – она перевела взгляд на Максима и лучезарно улыбнулась.

– Правда, – согласно кивнул Максим и вернул улыбку. – Я провожу, – он повернулся к Маше, открыл дверь, вышел вместе с ней и сразу же вернулся, бросил быстрый взгляд на Миру и отправился в ванную комнату.

Непродолжительное время шумела вода, потом появился будущий муж, уже в домашней одежде. Когда он занёс её туда или она и была там, Мира не поняла, да и не хотела задумываться.

Какой чистоплотный ей достался муж, после любовницы и перед едой моет не только руки, но и всё тело. Любо-дорого!

Максим, переодевшись в широкую футболку и спортивные штаны, натянув на ноги самые обычные тапочки для дома, растерял половину своей важности, да и вальяжность, с которой он оглядывал Миру, исчезла, на смену ей пришёл спокойный, немного усталый взгляд, зато ушёл возраст. Несколько лет точно. Мира не приняла бы его за ровесника никогда в жизни, но в таком виде Максим Аркадьевич тянул максимум на Максима, а то и на Макса, и выглядел лет на двадцать пять – двадцать шесть, не старше.

– Ты умеешь готовить? – спросил Максим, когда сел за стол. Ему не удалось скрыть удивления.

– Ты сказал «займись этим», я занялась, – новоявленная хозяйка дома пожала плечами.

– Вообще-то, я имел в виду заказать на дом, – он устало выдохнул.

– Лично ты можешь заказать, а я собираюсь ужинать и спать, – снова пожала плечами Мира.

– Я, пожалуй, съем твой ужин. Что там? Пахнет вкусно, – произнёс Макс, принохиваясь.

– Ничего особенного. Греческий салат, запечённый картофель, дорадо и солянка, – довольно огласила меню Мультяшка.

– Солянка? Вечером? – Максим поморщился.

– У меня ночь, – ткнула пальцем себе в грудь Мира. – Солянка на завтра, мне захотелось солянки, я её приготовила.

– Ты всегда делаешь то, что тебе хочется? – свернул с кулинарной темы её собеседник.

– Не всегда. Например, мне совсем не хочется выходить за тебя замуж, но я выхожу, – выдохнула она, открывая поочерёдно ящики в поисках столовых приборов.

– О, тут наши нежелания совпадают, кстати, как и любовь к солянке, – кивнул, прищурившись Макс.

– Хотя что-то, – Мира накрывала на стол, ловя на себе взгляды, от удивлённого до оценивающего, такого же цепкого, как в кабинете дедушки.

– Так всё-таки, – Максим оглядел стол, покачал головой, – где ты научилась готовить?

– Я живу одна уже очень давно, иногда лень выходить из дома, а хочется чего-нибудь... домашнего, наверное, – она протянула корзинку с нарезанным и обжаренным багетом и предупредила: – С чесноком! Мало ли, ночью уедешь к Маше.

– К Маше? – за актёрское мастерство при выражении изумления можно было ставить «Отлично».

– Она твоя любовница, – Мирослава широко улыбнулась и откусила хлеб с чесноком. – Я не против, можешь съездить, в кабинете неудобно.

– Нет, почему же, вполне удобно, Маша изобретательная, – произнёс собеседник с долей издёвки.

– Рада за вас. Дорадо, кстати, удалась. Почему не ешь? – Мира решила изобразить озабоченность.

– Подожду, когда ты начнёшь, – парировал Макс.

– Боишься, что отравила? – она ехидно продолжала диалог.

– Опасаюсь, – Максим отправил в рот кусочек морского карася и прожевал с явным удовольствием. Мире даже понравилось, как он смакует, а потом облизывает губы и накалывает следующую порцию. – Действительно, удалась на славу, – он кивнул в знак согласия и продолжил с аппетитом поглощать блюдо, видимо, всё-таки не опасаясь отравления.

Или посчитал, что отравление – это меньшее из зол.

Грязную посуду Максим убрал сам – определил её в посудомоечную машину, протёр стол и устроил остатки ужина в холодильник, упаковав в контейнеры.

Мира не понимала, как ей относиться к происходящему, и не стремилась понять. Она приехала сюда пережить конкретный день, пересидеть его вдали от всего, что напоминало о случившемся, убежать от острой боли, которая начинала скрестись злой кошкой на душе, забыться, не думать, а для этого хороши все средства и любые люди, кроме дедушки и его дома.

Она спросила, где ей ложиться спать, и получила ответ, что в спальне ей будет удобно, Максим даже постелили ей постель и показал, как работает подсветка на потолке и на стене в виде торчащих ассиметричных рейлингов, напротив стеклянной стены, такой же, как в большой комнате. Спальня была обставлена так же лаконично. В ней не было ничего, кроме тонкого шкафа-купе с зеркальными дверцами, в которых отражалось всё пространство, и кровати с огромной, до потолка, обитой серой тканью спинкой и двумя тумбами по краям – они являлись частью кровати, единым целым. Ещё Максим показал, где находятся запасные одеяла и подушки, взял себе постельное бельё и отправился спать на полукруглый диван.

Мира вздохнула, быстро переоделась, прошмыгнула в душ, внутренне содрогаясь от того, что за дверью всё прекрасно слышно. Как шумит душ, работает фен, шипит вода из-под крана. В итоге, не просушив толком голову, она предпочла заплести волосы в косу, скользнула в спальню и нырнула под одеяло. Когда она пробиралась мимо, Максим уже спал, свет из спальни осветил часть большой комнаты. Она обернулась – диван был разложен, Максим откинул руку вверх, ладонь расслабленно раскрылась, нога, согнутая в колене, торчала из-под одеяла, лица не было видно.

Долго ворочаясь и устраиваясь на новом, не самом удобном, несмотря на комфортный матрас и хорошее постельное бельё, месте, Мира, наконец, уснула.

Проснулась она от вскрика, кажется, чужого, от ощущения взгляда из темноты, по спине прошёл холод, кожа мгновенно покрылась мурашками, начало знобить, она не могла дышать, боялась повернуть голову и увидеть того, кто смотрит в упор, хотя и понимала, что это болезненное воображение и усталость.

Закрывать глаза Мира долго не могла, а когда всё же получалось, тут же проваливалась в забытие, выныривая резко от того же крика. Как бы она ни куталась в одеяло, становилось холоднее и холоднее, будто липкий туман расползлся по спальне и тянул к ней свои леденящие щупальца в попытке обхватить, обжать, как тисками, и задушить. Она дышала всё чаще, покрылась потом, несмотря на холод, и уже стучала зубами не только от сырости тумана и холода, но и от ужаса, от взгляда, который вворачивался в неё до боли, как гвоздь.

«Это просто кошмар, это не на самом деле», – твердила себе Мира, но сколько не говори «халва», слаще не станет. Сколько она не убеждала себя, что это кошмар, но холод и покрытая мурашками кожа, сердцебиение, затруднённое дыхание, были наяву, как и страх, сковывающий движения.

– Мира? – вдруг раздался голос.

Она завизжала так, что сама чуть не оглохла, подпрыгнула на кровати и начала открывать рот, как рыба на суше, испытывая такой же ужас, пятясь спиной к изголовью кровати, упираясь и скользя пятками по скользкому белью, путаясь в одеяле.

– Мультяшка? – снова донеслось из темноты.

Голос надвигался, был совсем рядом, так близко он ещё не был ни разу, она даже чувствовала дыхание и горячие руки, которые схватили её, прижали руки к бокам, а тело вжали в матрас.

– Мирослава, перестань драться, – теперь голос звучал спокойно, размеренно, даже выскомерно и у самого лица Миры. – Всё хорошо, это кошмар, у тебя была сложная неделя, не лучший день твой жизни, ты устала, но это кошмар, он прошёл. Прошёл?

Мира открыла глаза и посмотрела на Максима, лицо было рядом, она даже почувствовала лёгкий запах чеснока и медленно кивнула, соглашаясь, что кошмар прошёл. Ненадолго, как она точно знала, но сейчас прошёл.

– Тебе лучше? – казалось, Максим был взволнован.

– Пить хочу, во рту пересохло, – еле проговорила слова Мира.

– Я принесу воды, – Максим медленно отпускал руки, внимательно, с опаской глядя на девушку, как на снаряд замедленного действия. Мира покачала головой, показывая, что она не останется здесь одна. Ни за что.

– Пойдём, – он потянул за руку, почти силой поднимая её из кровати, выпутал из одеяла, отвёл и усадил на разобранный диван, принёс стакан воды. Мира покорно выпила.

– Может, ты лекарства какие-нибудь не приняла? – Макс вздохнул.

– Я принимаю только витамины, а это... пройдёт через несколько дней, – Мира потрясла опущенной головой.

– Хорошо, ложись, – он показал глазами на свою подушку, рядом пристроил ещё одну и лёг сам, потянув Миру на себя. – Ложись, мне на работу к восьми утра, попробуем так.

Она внимательно посмотрела на Максима – тот был в трусах, которые скрывались под длинной футболкой, смотрел спокойно и даже как-то свысока. Не похож на насильника, да и кто в трезвом уме решится причинить зло внучке самого Сильвестра?

– Мультяшка, ныряй под одеяло, – прочитал её мысли Максим. – Я не собираюсь насиловать тебя или домогаться, просто зверски хочу спать, да и тебе не мешает здоровый сон.

Мира устроилась на подушке, через мгновение оказалась прижата к Максиму, ей не хотелось спорить, она пару раз вздохнула и уснула.

Глава 9. Максим

Он проснулся, как обычно, раньше будильника. Быстро протянул руку и заранее отключил его. Мира ворочалась и ёрзала половину ночи, в итоге крепко уснула только под утро. Её грудь удобно устроилась в ладони Максима, а попка прижалась к паху. Он зажмурил глаза. Естественно, утро давало о себе знать, и женское тело рядом, прижатое, расслабленное и, как назло, идеально подходящее, как по росту, так и по размеру в аппетитных местах, усугубляло ситуацию.

Ночью, успокаивая мечущуюся Мирославу, он не придавал значения одежде девушки, иначе надел бы на неё одну из своих футболок. Майка с широкой проймой была предназначена для того, чтобы хозяйка носила её только с топом или спортивным, мягким бюстгалтером. А без этого нижнего слоя она открывала обзор на груди Миры, и словно этого мало, упругие, горячие, идеальной округлой формы, они тёрлись об него и сами попадали в ладони, щекоча твёрдыми сосками, провоцируя на дальнейшие действия. Попка же, облачённая в полупрозрачные трусики-шорты с оборками, вдавленная в пах, и вовсе превращала мысли Максима в маловразумительный коктейль из похоти и фантазий.

Он мягко сжал грудь и услышал стон, вперемишку с причмокиванием. Мира вдавилась сильнее в Максима, попка заёрзала, натираясь об нешуточное возбуждение, Макс уткнулся лицом в подушку, чтобы не застонать и дать себе возможность продышаться. Желание накатывало острой, почти неконтролируемой волной, стали проскакивать мысли, что рано или поздно это всё равно случится, так почему не сейчас? Мысль эту приходилось отбрасывать от себя, усилием воли игнорируя морок желания.

Даже если отключить здравый смысл и исключить сексуальную абстиненцию и другие психиатрические проблемы, а поверить, что Мира ждала огромной и чистой любви, лишиться девственности в такой день с малознакомым человеком – это явно не то, о чём могла мечтать романтическая особа.

Ёрзанье резко прекратилось. Мира замерла, потом стала натягивать на себя одеяло, одновременно выскальзывая из откровенных объятий уже почти мужа, отодвигаясь на край дивана.

– Как ты себя чувствуешь? – Максим привстал и посмотрел на лохматую со сна Мирославу.

Та сжала губы и продолжала пятиться от него, натягивая одеяло уже выше подбородка, кутая ноги, заворачиваясь в него, как в кокон. Можно подумать, если Максим захочет, он не справится с этой паникующей малявкой.

– Тебе нечего бояться, – Максим продолжал откровенно её разглядывать.

– Да что ты! – проговорила Мультяшка хрипло, облизала сухие губы. Максим встал, чтобы принести воды. – Нечего? Скажи ещё, что не хотел поиметь меня сонную.

– Хотел, – он протянул ей стакан минералки и поставил рядом, на столик, открытую бутылку воды. – Если бы я всегда делал, что хочу, тебя бы не было в этой постели и в моей жизни, а сам я валялся бы где-нибудь на горячем пляже и попивал холодное крафтовое пиво.

– Да у тебя же..., – девчонка неопределённо махнула рукой. Максим смерил ее долгим взглядом. Похоже, оборочек на её милых трусиках больше, чем извилин в голове.

– Это утро, Мира. По утрам у мужчин эрекция. Что такое эрекция, объяснять, надеюсь, не надо? – он усмехнулся.

– Не надо! – в Максима полетела подушка, он ловко перехватил её и положил на место, намерено нагибаясь близко к лицу Миры, и прошептал: «Ещё раз, и я тебя свяжу!».

Под взглядом Миры он скрылся в ванной комнате, только там выдохнув, и долго стоял под холодными струями душа, избавляя себя от навязчивых картинок, на которых он занимается сексом с Мультяшкой и видит совсем другой взгляд лисьих глаз.

Оделся Макс в спальне, позавтракал кофе. Мира отказалась не только завтракать, но и вставать, и отправился на работу. С облегчением обнаружил, что охрану к нему не приставили или он её попросту не видит. В том, что о каждом его шаге будет доложено Сильвестру Прохоровичу, у него не было никаких сомнений.

Офис встретил рабочей суетой и заинтересованными взглядами. Конечно, скрыть своё новое положение в компании не удалось бы, как и статус без пяти минут супруга наследницы всего состояния старика, но всё равно, откровенно любопытные взгляды проходились острым лезвием по оголённым нервам Максима.

– Доброе утро, Максим Аркадьевич, – промурлыкала одна из секретарш в приёмной.

У него было два постоянных секретаря-референта, одна из которых умела только подносить кофе, лучезарно улыбаться и обладала шикарной фигурой – незаменимый атрибут при долгих и изнурительных переговорах. Глаз отдыхал, нервная обстановка снижала градус, когда в кабинет всплывала Надежда, именно она и промурлыкала приветствие. Вторая секретарша, тихая, исполнительная и организованная, обычной внешности, Валентина, поздоровалась более сдержанно, доложив, что Мария вышла на пять минут.

Максим посмотрел на время, пятнадцать минут до начала рабочего дня. В глазах обеих девушек читался открытый интерес, но они держали своё любопытство при себе. Он прошёл в кабинет, включил ноутбук и откинулся в кресле.

Помимо всего прочего ему нужно было решить, что делать с Машей. Избавиться от обиженной женщины? Или поставить на первое место её деловые качества? Вчера она удержалась от упрёков, но не надо быть особо проницательным мужчиной, чтобы не увидеть их во взгляде, движениях, мимике. Меньше всего на свете он хотел сейчас усугублять свои проблемы, а Маша это сделать могла, как минимум – потрепать нервы ей бы удалось, но и выбросить её за борт своей жизни он не смог бы, как не мог до сего дня.

Она прямо говорила, что Максим сдох бы в тот год, если бы не она, и он был с этим согласен. В свою очередь, он сделал для Маши всё, что он мог на тот момент, да и сейчас. Он купил ей квартиру в хорошем доме, оставил на высокооплачиваемой должности, даже прибавил оклад и не скупился на сверхурочные. Оплачивал её сыну кружки, дополнительные занятия и был готов делать это и дальше. Он старался, чтобы Егорка не привязывался к нему, редко общался с ним, но чувствовал необъяснимую ответственность перед мальчиком, может быть, видя в нём себя. Мальчишку, желающего, вопреки всему, добиться успеха в жизни, имеющего здоровые амбиции и жажду лучшей жизни.

Маша всплыла в кабинет, как всегда собранная, с мягкой, обворожительной улыбкой, одетая откровенней обычного. Блузка обтягивала налитую, немаленькую грудь, юбка-карандаш подчёркивала приятные женские формы. Максим усмехнулся про себя, посмотрел спокойно на женщину и показал рукой на кресло напротив, выслушав своё расписание на день.

– Никогда бы не подумала, что ты способен жениться по расчёту, – выдавила из себя Маша в конце разговора, и это было похоже не на упрёк, скорее на удивление.

– С чего ты взяла, что это брак по расчёту? – Максим внимательно смотрел на собеседницу и постукивал по столу кончиком карандаша.

– У вас всё так быстро закрутилось... Она беременна? – Маша смотрела ему прямо в глаза с не меньшим вниманием.

– Слишком личные вопросы, ты не находишь? Нет, не слишком быстро. – не отрывая взгляда, спокойно ответил Макс.

– Но об этом ничего не было известно, – растеряно проговорила помощница и отвела глаза в сторону.

– Потому и не было огласки, чтобы избежать лишних разговоров. Лишних, – он надавил на последнее слово и посмотрел на Машу внимательно, давая понять, что разговор окончен.

– Максим..., – Маша вспыхнула.

– Маша, пожалуйста, не надо. Не начинай. Ты прекрасно знаешь, что между нами всё кончено, – в голосе появились металлические нотки.

– Но я надеялась, что это временное решение, – Маша опять внимательно посмотрела ему в глаза.

– Маш, – он встал и прошёлся по кабинету. – У меня свадьба через неделю, это не временное решение.

– Ты поэтому меня бросил, из-за этой девочки? – теперь она смотрела в сторону, в окно, прищурившись, словно высматривая что-то.

– Да, – соврал Макс, не дрогнув. – Из-за неё.

– Ты её хоть любишь? – бросила на него быстрый взгляд Маша.

– Конечно, как её не любить, – он снова соврал. – Ты видела её сама.

Маша поджала губы и встала.

– Маша, – он посмотрел прямо на женщину. – Если ты не сможешь работать со мной, лучше скажи сразу, я подыщу тебе место и дам хорошие рекомендации. Финансово ты не пострадаешь. Английский и каратэ Егору я буду продолжать оплачивать.

– Не надо, – на щеках Маши разливался румянец, что делало её ещё более привлекательной. Максим невольно залюбовался.

– Перестань, – отмахнулся он. – Я знаю, что ты и сама можешь это делать, но это мой выбор.

– Всегда выбираешь сам, – Маша не спрашивала, утверждала.

– Всегда, – твердо повторил за ней Макс.

В середине рабочего дня выдалось полчаса перерыва, он попросил Надю принести ему вок из соседнего ресторанчика и залез в интернет. Сведений о гибели семьи Мирославы практически не было – или времени прошло слишком много, или информация была тщательно подчищена.

Он позвонил Целестине, та не сообщила ничего, кроме общих фраз о несчастном случае, сказав, что не может разговаривать, и тут же отключилась, коротко поинтересовавшись перед этим самочувствием Миры. Интересно, зефирное чудо всегда остаётся в этот день одна, или этот год стал исключением?

– Маша, отмени мои встречи до конца рабочего дня, – быстро проговорил он, проходя мимо кабинета ассистента – маленького и стильно обставленного. – Насколько я помню, ничего важного не предвидится.

– Что со шведами? – перевела оторвала взгляд от экрана компьютера.

– Посмотри предварительный контракт, вечером поговорим, – Максим разговаривал строго и по делу.

– Я на связи, – бросил он удивлённо моргающим секретаршам.

Было чему удивляться, Максим Аркадьевич никогда не уходил с работы в середине рабочего дня. Тем более, из-за вынужденного отпуска образовался цейтнот, а из-за предстоящей свадьбы горели все дедлайны.

А девчонки дома не оказалось. Максим связался с охраной, те доложили, что Мирослава в торговом центре, он двинулся туда же. Себе свой поступок объяснил просто – он не желал повторения сегодняшней ночи, во всяком случае, той части, когда упругая грудь и попа начали задевать и откровенно провоцировать. Этот ночной кошмар точно был связан с гибелью родных, может, если не оставлять Мультяшку одну, отвлечь её, сегодняшняя ночь пройдёт лучше.

Максим уже имел дело с истероидным типом личности у женщины и совсем не хотел повторения этого ужаса, только его никто не спрашивал, значит, правильней было как-то минимизировать эту черту в Мире, а со временем – получить консультацию специалиста. Одному или с Мультяшкой – неважно.

Мирослава плыла по широкому коридору торгового центра, переставляя ноги на каблучках. Джинсы, как и всегда, отлично сидели на ней, как и маленький свитер в обтяжку под лёгкой курткой. В руках у неё были бесчисленные пакеты с названиями именитых и не слишком брендов. Складывалось впечатление, что Мультяшка скупала всё подряд без разбора. Сверху, как вызов, расположились несколько пакетов из магазинов нижнего белья. Интересно, уж не к брачной ли ночи готовится невеста? Зачем девушке с отклонениями в сексуальной сфере столько откровенных вещичек?

– Надеюсь, приличную пижаму ты тоже купила? – Макс потянулся к пакетам, захватывая все одной рукой.

– Не-а, – Мира улыбнулась и посмотрела лукаво. – Я и дальше собираюсь тебя соблазнять.

– Интересно, зачем тебе это надо? – поинтересовался без пяти минут муж.

– Просто так, – она пожала плечами и улыбнулась, Максим подумал, что, когда Мира улыбается, ей не нужен какой-то особенный комплект одежды для соблазнения. Наделил же бог настолько прелестное создание проблемами...

– Ты обедала? – он решил проявить заботу.

– Нет ещё, – Мира продолжала смотреть на него лукаво, будто оценивая ситуацию.

– Может, в ресторан? – не поддавался Макс на провокацию.

– Я собиралась солянки поесть, – Мультяшка облизнула губы, прикусила нижнюю и тут же отпустила.

– Прости, забыл, – вздохнул он.

– Нет вкусняшек, – констатировала Мультяшка и направилась в кофейню, напротив которой они стояли.

Надо же, нормальный человек. Максим присматривался к Мирославе всю дорогу к ресторану, где они заказали два салата и по стейку с собой. Рядом в пластиковых контейнерах лежало несколько чизкейков. Дома он поставил еду на стол, а сам отправился в ванную, следом уступив место Мире.

Мирослава вела себя не только нормально, но даже дружелюбно, и это не слишком нравилось Максиму, заставляло быть настороже, но в любом случае, это лучше, чем обдолбавшаяся или топающая ногами девчонка в его квартире.

– Тебе не нужно как-то по-особому провести сегодняшний день? – поинтересовался он после обеда и посмотрел на Миру, та нахмурилась и отвернулась к окну, потом перевела хмурый взгляд на Максима.

– Нет! – выпалила Мирослава.

– Прости! – голос действительно был извиняющимся, не как обычно – сейчас в нём не сквозило высокомерие.

– Ничего, откуда знаешь? – Мультяшка склонила голову.

– Целестина и интернет, – взгляд Макса выражал сочувствие.

– Ясно. Только жалеть меня не надо. – Мирослава взглянула ему в глаза.

– Я не жалею, – Максим снова будто скрылся под маской, посмотрел на нервно дёргающуюся руку Миры. – Просто интересуюсь. Может, тебе что-то надо.

– Мне просто надо не думать об этом, – маленькая рука в отчаянье стукнула по столешнице.

Это Максим мог понять. Когда думаешь, вспоминаешь, боль растекается удушающей волной, сколько бы времени ни прошло, боль всё равно берёт своё. Сколько ни обманывай себя, как бы ни казалось, что края раны начинают затягиваться, стоит дать волю своим воспоминаниям, как становится ясно, что время не лечит. И даже не приносит милости забвения. Он боялся даже представить, что чувствует карамельная Мультяшка в этот день, с её проблемами восприятия действительности, так что «не думать» из её уст звучало понятно, приемлемо.

– Кино, потом ночной клуб. Пойдёт? – Макс продумывал варианты.

– А чего это ты такой добренький? – лисьи глаза сузились и смотрели с подозрением.

– Я вовсе не добренький, Мирослава, с удовольствием бы бросил тебя один на один со своими проблемами, но всерьёз опасаясь, что теперь это и мои проблемы тоже, – терпеливо пояснил Макс. – Во всяком случае, толпы желающих побороться с твоей душевной травмой, хотя бы один день в году, я не наблюдаю.

Он обвёл глазами огромную, пустынную комнату, стеклянная стена визуально расширяла пространство, и девушка, сидящая напротив него, казалась ещё меньше.

– Тогда, кино и ночной клуб! Только выбираю я, – подрыгала ногами Мультишка.

– Как скажешь, – согласно кивнул головой Максим.

Глава 10. Мирослава

В ВИП-зале кинотеатра демонстрировали голливудский блокбастер, Мира не захотела его смотреть. В обычном зале анонсировали российский фильм, и она, ни минуты не раздумывая, купила два билета на первые попавшиеся места.

Дело не в том, что Мира была поклонницей отечественного кино, а в том, что второстепенную роль в фильме играл Данила. В общем-то, роль – это очень громко сказано, играл он почти самого себя, рок-музыканта. У него было три крупных плана и несколько реплик, а в конце фильма показывали отрывок из его выступления.

Мира даже не поняла, о чём фильм, хотя ей рассказывали о съёмках и сам Данил, и ребята из группы. Это был новый, интересный опыт. Она ловила каждую секунду экранного времени с Данилой, а в перерывах вспоминала, как познакомилась с кумиром, как он привёл её в первый раз на репетицию и представил команде, как тепло и доброжелательно её встретили. Как она присутствовала при рождении песни, и Данила утверждал, что Мира послужила музой для красивой баллады, которая должна была выйти в новом альбоме, и выйдет, Мира всё сделает для этого.

Мирослава купалась в своих воспоминаниях, думала о том, что должна была пойти на премьеру фильма с Данилой, но его гастрольный тур помешал, а потом случилась история с наркотиками и её замужеством по указанию бабушки. Она не отводила глаз от экрана, пытаясь проморгать слёзы, вытирала нос, в котором нещадно щипало, и впитывала в себя всё, до самого последнего кадра, вплоть до титров с именем кумира.

На выходе из зала Максим молча протянул ей бумажный носовой платок, и так же молча прошёл с ней к билетным кассам, где Мира собралась купить билет ещё на один сеанс.

– Так понравилось? – Максим смотрел на неё, примерно как на зеркальный шкаф в своей спальне после уборки домработницы. Равнодушно, цепко и изучающе.

– Да! – глаза Миры стали красными.

– Я здесь подожду, – размеренно проговорил Максим и кивнул головой на ряды столиков фуд-корта.

– Отлично, – она пожала плечами и двинулась вдоль стены с плакатами и баннерами новинок кино, сжимая в ладони заветный билетик, чтобы уже через полчаса снова впитывать в себя происходящее на экране, все те минуты, когда Данила находится в кадре.

Какой же он красивый, загадочный, талантливый, разносторонний, с проникновенным голосом и взглядом. Она даже записала на телефон отрывки с его участием, купить фильм для личного просмотра ещё было невозможно, и даже пиратки не было в интернете – кому интересен отечественный фильм? Через неделю-другую всё появится, и Мира обязательно скачает себе, потом купит всё, что только возможно и невозможно, связанное с этим этапом жизни Данилы, бережно сложит в специальную папку на рабочем столе ноутбука или коробку, специально отведённую для этого, а пока ей дороги даже эти мутноватые кадры.

Папка в ноутбуке, которая была также скрупулёзно скопированная на выносной диск, вмещала в себя гигабайты информации, как собранной в интернете, ещё когда Мира не была знакома лично со своим кумиром, так и личной, после знакомства. Были там нарезки коротких видеороликов, личных съёмок, фотографий из совместных поездок и отдыха, и из тех нескольких дней, когда она привезла Данилу к бабушке, и они отлично проводили время, гуляя по окрестностям. Тогда-то Данила и сочинил балладу, посвятив её Мире, сказав, что она луч света в его тёмном, готичном замке. А в коробке хранилось несколько футболок, подаренных им, буклеты с концертов, диски, афиши, записки, любое реальное доказательство существования этого человека на планете Земля.

Мира надеялась, что эти времена повторятся, и довольно скоро, вернее, она была в этом уверена. До свадьбы оставалась всего неделя, даже меньше. В день её свадьбы, когда она выполнит свою часть сделки, Данилу отпустят, и уже через несколько дней она увидит его. Обязательно. Даже, если дедушка будет против, хотя вряд ли, он хочет обезопасить капитал, брак с Максимом Аркадьевичем обезопасит активы Миры и её компаний. Она тем временем вернётся к своей жизни, с той лишь разницей, что жить ей придётся под одной крышей с «мужем», да и сам «муж» сможет вернуться к своей жизни.

Меньше чем за сутки, что Мирослава провела с Максимом, живя в его доме, он не так уж докучал ей, вёл себя почти дружелюбно, и если бы не его временами холодный, скользкий взгляд, он бы, может, вызвал у неё симпатию.

Немного смущало утреннее происшествие, но Максим прав, ничего особо неожиданного не произошло. Утренняя эрекция не секрет, а то, что он прижимал к себе Миру и провоцировал, хоть и лёгкую, но ответную реакцию, пока она ещё находилась в полудрёме – всё это было нормальным или почти нормальным. Чтобы избежать подобного, надо спать отдельно, вот и вся премудрость. Вряд ли Максим будет настаивать на совместном сне, а Мира – тем более.

Она вышла из кинозала и нашла глазами Макса, тот поедал биг-маг и смотрел в телефон с безразличным лицом, никак не выражая реакции на то, что ему пришлось почти два часа ждать спутницу.

– Взять что-нибудь? – он поднял глаза на Миру и протянул носовой платок. Мира снова плакала на сеансе.

– Нет, не хочу, – Мира приняла платок и вытерла распухший нос.

– Ещё раз пойдёшь? – спросил равнодушно Макс и окинул её взглядом с головы до ног.

– Больше сеансов нет, – раздался разочарованный вздох.

– Тогда в клуб? – Максим смотрел испытующе.

– Да, – Мира кивнула и назвала куда именно. Максим никак не выразил свои мысли, молча доел бигмак, запил пепси-колой и направился к выходу из кинотеатра, поглядывая, идёт ли она следом.

Клуб с названием «Марс» не представлял собой ничего особенного, не был элитным, не обладал исключительным антуражем. Мира выбрала его в интернете, ткнув в первый попавшийся.

Обещали живую музыку, стриптиз, как женский, так и мужской, приятную атмосферу и демократичные цены на алкоголь, последнее меньше всего интересовало Мирославу. Ей было лень изучать и выбирать клуб в чужом городе, программу на вечер и ночь. Напиться она могла в любом месте, какая разница, по каким ценам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.